

ВЕСТНИК КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ЗАГРАНИЧНЫХ ГРУПП
КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ

№ 12

Октябрь

1927

СОДЕРЖАНИЕ:

1. А. Аргунов. Десять лет.

2. А. Лазаренко: Сильная власть в условиях республиканско-демократического строя.

3. Ф. Ельгинский: Большевики и кооперация.

4. Г. Грачев: К вопросу о роли крестьянства в России.

В России:

5. А. Н.: Смена. (Письмо из России.)

6. А. Вышковский: Народное просвещение в СССР.

7. Письмо к русским братьям, бежавшим за границу.

8. Писателям мира! Воззвание группы русских писателей.

9. Из писем и встреч.

Из заграничной жизни:

10. Вл. Татаринцов: Единый антибольшевистский моральный фронт.

11. Сергей Маслов: Судьба частной собственности в агр. реформах по-военной Европы. (Оконч.)

12. Болгарский Земледельческий Союз.

13. Съезд Союза Земледельцев в Югославии.

14. А. В-ий. Югославянские выборы и „Союз земледельцев“.

15. Б. Ш.: Русская деревня в Эстонии.

Из печати:

16. К. Р.: Программа ликвидации России.

Десять лет.

В этом номере нам приходится отметить знаменательную дату, пройти мимо которой спокойно и не задумываясь невозможно: это десятилетняя годовщина октябрьского большевистского переворота, десятилетие большевистской власти в России.

Не даром большевистская партия готовит пышные торжества по поводу этой даты, не даром царит радостное возбуждение в рядах ее.

Большевики достаточно опытные демагоги, чтобы не использовать такого события, и они, конечно, используют его с наивысшим напряжением агитационных сил, имея на этот раз основание надеяться на некоторый, хотя бы и временный, успех.

Ведь как это ни тягостно, но нужно признать, что факт удержания за собой власти и господствующего положения в стране в течение целого десятилетия является аргументом не в пользу врагов нынешнего строя; в руках же умелых демагогов десятилетняя дата наверно превратится в блестящее доказательство прочности нынешней власти, ее крепкой связи с населением и т. п. Эта дата несомненно будет умело использована, чтобы смутить сердца врагов и поднять дух сторонников, особенно вне пределов России.

Но оставим юбиляров творить свое дело, подводить свои итоги, строить свои надежды. Мы знаем цену этим итогам и этим надеждам и можем противопоставить им свои.

Наилучшим может быть откликом на юбилейное событие было бы дать простой перечень большевистских деяний, перечень всего того, что сделала за 10 лет большевистская диктатура. Это был бы бесконечный счет крови, насилия, безмерных страданий и всеобщего разрушения, который можно предъявить юбилярам-преступникам и который страна предъявит в свое время.

Но мы ограничимся сейчас более скромной задачей.

Истекшее десятилетие дает много поучительного материала не только для оценки и клеймения прошлого, но и для учета будущего, и мы хотим остановить внимание на некоторых итогах этого прошлого.

* * *

Коммунистическая партия правит Россией на положении хозяина. Десятилетний срок не поколебал этого диктаторского положения ее.

Спрашивается, не говорит ли это обстоятельство о том, что коммунизм нашел какие-то корни, какую-то базу в интересах народных масс, опираясь на которые он постепенно вырастает в жизнь, и что большевицкая диктатура творит, таким образом, волю принявшего ее народа?

Конечно, теперь по прошествии десяти лет не приходится говорить о том, что правящая Россией партия является только кучкой людей, не имеющих корней в населении и каким-то чудом удерживающих власть.

Правда, на этой партии особенно скаывается закон огромного значения отдельных личностей. Но дело не в этом.

Факты прошлого красноречиво свидетельствуют о деяниях, которые не под силу отдельным лицам или кучкам их, если у них нет корней, если они не поддержаны хотя бы частью населения.

История октябрьского переворота и всё последующее достаточно хорошо подтверждают это положение.

Не простым отрицанием корней у коммунизма мы можем измерить его силу или бессилие, а учетом и анализом их.

Десятилетний срок дает к тому полную возможность: корни обнажились и легко видеть их число и их качество. Мы теперь знаем, кто поддерживал и поддерживает коммунистическую власть и во имя каких интересов и какими средствами это делалось и делается. И мы вправе сказать, что если в 17 году коммунисты пришли к власти и затем успешно одолели все враждебные фронты благодаря в значительной степени тому, что имели корни в населении, увлеченном не идеалами коммунизма, а «рваческими» лозунгами, то в последующее время мы наблюдаем лишь процесс быстрого гниения этих корней.

Ныне, в итоге десятилетия, предан власти не только за страх, но и за совесть лишь пезначительный слой населения (по преимуществу пролетарского), кровно связанный с нею временными экономическими выгодами и командующим положением. Огромное же большинство населения против власти, а частью уже борется с нею.

И коммунистическая диктатура, в опровержение толков об эволюции ее в сторону демократической, волею народа, правящей власти, осуществляет прежнюю политику насилия и террора, зная, что иного средства управления ей не дано и испытывая лишь тревогу перед всё растущей необходимостью напрягать боевую энергию

Но еще более крупное значение имеет другое явление, полностью обнаружившееся в итоге десяти лет. Это — провал коммунизма, как теории и практики.

Об этом свидетельствует не только сам по себе знаменательный факт идейного и организационного развала коммунистической партии, образования отдельных враждебных течений и пр., но и вся жизнь партии.

Коммунистическая идеология стала уделом одиночек и выродилась в привычную фразеологию, лишенную содержания, ибо реальная жизнь пошла по другому пути, опрокинув все надежды и расчеты теоретиков коммунизма.

История последних лет дает нам картину неудачи коммунистических опытов вплоть до полного отказа от них.

Народное хозяйство, повинуваясь властным законам жизни, продолжает строиться на началах противоположных коммунизму, и т. н. буржуазная стихия диктует правящей партии свою волю, которую и приходится выполнять под вывеской коммунизма, из боязни полного расстройтва ресурсов страны, а главное потери своего властвующего положения.

Еще слышатся в рядах партии иногда голоса о необходимости возврата к старым «заветам», но голоса эти тонут в дружном хоре коммунистов-практиков, предпочитающих эти «заветы» выгодам настоящего, хотя бы и «буржуазного».

И если при полном крушении своих основ, при полном провале своего плана, коммунизм в лице правящей клики ухитряется держать в своих руках кормило правления, то секрет нужно искать в его умении балансировать и приспосабливать свою тактику к потребностям «буржуазной» жизни.

От коммунизма в России осталось лишь название, остался правительственный аппарат, воодушевленный одним желанием: сохранить во что бы то ни стало материальные и другие выгоды своего привилегированного состояния.

Говоря о провале коммунизма, мы ни на минуту не забываем об основной причине его — о том процессе возрождения страны, который, вопреки всем стараниям коммунистической власти и всем ее рогаткам, шел всё возрастающей по пути раскрепощения частной и свободной инициативы и сделал за истекшее десятилетие завоевания, которых уже не удастся отнять.

И, как крупный итог пережитого, мы не можем не отметить особо, что главным фактором этого возрождения и строитель-

ства страны, а вместе с тем и неодолимым врагом коммунизма явилось и продолжает быть крестьянство. Опираясь на факты прожитого десятилетия, мы еще с большей уверенностью можем говорить об определяющей роли крестьянства в судьбах страны и о неизбежности дальнейшего прогресса ее, вплоть до полного раскрепощения. поскольку основной силой в борьбе за будущее остается крестьянство.

* *
* *

В своем отклике на десятилетний юбилей мы должны отметить событие, имеющее крупное значение в судьбах русского коммунизма. Это — провал международной политики его и падение престижа за границей.

Десятилетняя практика привела прежде всего к тому, что пришлось оставить всякие надежды на скорую гибель буржуазного строя, на всеобщий мировой пожар, в котором должен родиться новый строй. Рушились надежды, которыми старались подогревать воображение масс, заставить поверить сказке о коммунистическом рае.

Сказка потеряла свою привлекательность, а с ней и слушателей, в особенности, когда стало очевидным, что не только за пределами России, но и в недрах ее самой, буржуазный строй настолько устойчив, что угрожает последним остаткам «социалистического» хозяйства.

Устойчивость современного строя сказалась и в поведении западно-европейского пролетариата. Вспыхивавшие на первых порах попытки социальных переворотов и бунтов быстро гасли, пока не прекратились окончательно. Пролетариат оказался не столь легко поддающимся демагогическим лозунгам и щедрым денежным подачкам.

Неудалось завладеть и организованным рабочим движением, и недавно состоявшееся решение профессиональных союзов Запада о разрыве с коммунизмом явилось заключительным аккордом. Последовали затем одна за другой неудачи в деле использования стачек, демонстраций, протестов и т. п. И эта сфера рабочего движения уходит из-под влияния коммунистических агитаторов.

Но еще более крупная неудача постигла нынешних юбиляров в сфере международной дипломатии.

Провалившись в Китае и в деле организации колониальных авантюр, русские

большевики вынуждены теперь считаться с резким поворотом в отношении к себе западных держав.

Убедившись в бесплодности надежд на постепенное «приручение» советской власти путем установления нормальной связи с ней, как с властью де-юре признанной и справедливо усмотрев в советских посольствах организованные ячейки III-го интернационала, питательные пункты коммунизма, державы, по почину Англии, начинают агрессивную противокommунистическую политику.

Теперь, в итоге десятилетней «дипломатии», большевицкое правительство имеет против себя фронт держав, более чем когда либо объединенный желанием борьбы с разрушительной работой московских заправил коммунизма.

И этот фронт переходит уже в наступление.

Большевицкое правительство должно скоро почувствовать всю тяжесть такого положения.

И прежде всего в самой важной области — в финансовой.

Ведь с переменой международной ситуации пришло и окончательное крушение надежд получить в свои руки средства путем заграничных займов.

* *
* *

Десятилетие коммунистической власти заставляет вспомнить и десятилетнюю историю противобольшевицкой борьбы. Здесь мы тоже найдем много поучительного и приводящего к определенным выводам.

Крахом открытый вооруженной борьбы на противобольшевицких фронтах была подорвана вера в возможность организованной, поддержанной народом борьбы с захватившими власть большевиками.

В пассивном на первых порах отношении населения к новой власти многие увидели добровольное приятие ее и поспешили выступить: одни, на левом фланге, с отказом от прежних верований и от активной борьбы с существующим строем, другие, на правом фланге, с фантастическими планами борьбы помощью чужих сил.

Потребовалось продолжительное время, чтобы начал рассеиваться этот дух неверия и отчаяния.

Исцеляющую силу дала русская действительность, доказав, что население в огромной своей массе не приняло новых

порядков и, оправившись от потрясений гражданской войны, стало строить жизнь по своему. Одновременно вскрылось и бессилие коммунистической власти в деле осуществления своей программы, и началась эра провала ее разных «фронтов» и постепенной капитуляции: эра НЭПа, «лицом к деревне» и т. п. Стала быстро терять свою силу система террора, которой удавалось до сих пор сковывать страхом живые силы страны.

С этой поры мы наблюдаем процесс нарастания идеи борьбы с существующей властью и учащение фактов самой борьбы.

Процесс идет медленно, преодолевая чрезмерные трудности, оставшиеся в наследство от прошлого. В числе их, вслед за тяжестью русских условий, едва ли не самой серьезной нужно признать отсутствие единства, а главное, активности в рядах противобольшевических сил.

Это в особенности сказывается в эмиграции, которой волею судьбы пришлось стать средоточием выработки программ и планов политической борьбы и тем самым взять на себя чрезвычайно ответственную миссию.

К десятилетней дате эмиграция не может, к сожалению, похвалиться достижениями в этой области.

Разброд настроений и мнений царит в рядах ее и слабо еще стремление к непосредственной борьбе.

Мы уже не говорим о той части эмиграции, которая давно отказалась от планов борьбы с коммунистической диктатурой, мечтая о возможности соглашения с ней, а также и о тех кругах, чья мысль и энергия целиком направлены на разработку проектов не освобождения России, а отторжения от нее любой ценой.

Но мы знаем, что и в недрах самой России рост политической активности находится еще в первоначальной стадии и противобольшевические силы складываются и организуются без общего руководства и часто без связи друг с другом.

По сравнению с недавним прошлым, когда даже вставал перед некоторыми вопрос «жива ли Россия», настоящее положение нужно признать все-же огромным шагом вперед.

И вот почему можно уверенно ждать наступления нового периода в истории противобольшевической борьбы в России, когда перед правящей партией встанет организованная воля, сумевшая собрать под свое руководство все выросшие в здоровой атмосфере борьбы и родственные по духу силы.

А что таких сил, — предвестников широкой борьбы, много, в этом уже не может быть сомнения.

Пусть читатель возьмет хотя бы письмо крестьян-сибиряков, полученное нами и публикуемое в этом номере и он увидит, чем живет и на что надеется грядущая сила, которая складывается отдельными ячейками в недрах широкого русского подполья.

* * *

Оглядываясь назад на истекшее десятилетие, мы можем сказать: самое тяжелое позади.

Борьба за освобождение России идет, разгораясь с неудержимой силой.

И требуется только больше активности, чтобы ускорить победный конец ее.

А. Аргунов.

Сильная власть в условиях республиканско-демократического строя*).

- I.

Россия уже давно не имела сильной власти, а демократической сильной власти не имела никогда.

Безвольный (с 1894 г.) царь и его правительство, раздираемое ведомственными

*) Тема о сильной власти в условиях республиканско-демократического строя настолько сложна и ответственна, что Редакция ни в коем случае не смотрит на помещаемую статью, как на исчерпывающий ответ на всю совокупность поставленных в ней вопросов. *Ред.*

распрями, с 1905 года ведущее непрерывную борьбу с народным представительством, всегда находившимся под влиянием «безответственных кругов» из крупных помещиков и «темных сил» и закончившее свое бесславное существование «министерской чехардой» — это не сила власти, а видимость власти. То непротивление злу насилием, которое явило миру Временное Правительство, не имело ничего общего ни с властью, ни с силой. Лютое большевицкое правительство, поразившее

весь мир невиданным еще бесшабашным произволом, бессудными казнями — этими своими действиями показывает не силу, а прикрывает бессилие власти. Ибо сила власти не в устрашении, осуществляемом террором для поддержания диктатуры ничтожного меньшинства (коммунистической партии), а в добровольном подчинении, основанном на уверенности в том, что власть правит в интересах общих, на пользу всего государства.

России для того, чтобы выйти из еще невиданных в ее истории испытаний, в которые ее повергла тяжкая война и небывалая в мире революция, для того, чтобы снова войти в качестве равноправного члена в мировую семью народов, необходима сильная власть, но власть демократическая, т. е. власть, происходящая из народа, от него зависимая и на него опирающаяся.

Время этой власти приближается. Об этом говорит весь ход событий последних лет и в особенности та борьба за власть, которую повело крестьянство. А оно — решающий фактор в грядущих судьбах России.

Как же организовать в России сильную демократическую власть? Но раньше о том, что нужно разуместь под понятием «сильная власть»?

Когда говорят о сильной государственной власти в демократии, то имеют в виду ту грань государственной власти, которая носит название исполнительной, правительственной, то-есть, исполняющей законы, управляющей на основании законов страной, а силу этой власти усматривают в ее устойчивости, в возможности уверенно, твердо и властно в течении более или менее продолжительного времени вершить порученные ей государственные дела. Такое ограничение понятия сильной власти обуславливается тем, что другая ветвь государственной власти — законодательная, осуществляемая избранными народом палатами, могущественна уже в силу своего происхождения «из народа», а устойчива в силу обеспеченности конституцией более или менее продолжительным сроком полномочий (от 3 до 6 лет). Наконец, третья ветвь государственной власти — судебная — сильна в демократическом государстве гарантированной конституцией независимостью, дающей ей возможность нелицеприятно и беспристрастно выносить судебные приговоры и решения, руководствуясь законом и только законом.

Догма демократии и практическое ее осуществление в крупных странах дают два образца устройства демократических государств, так называемую демократию с разделением властей и демократию парламентарную.

II.

Сущность парламентарной формы демократии заключается в том, что правительство образуется и смещается волею власти законодательной, т. е. парламентом. Согласно основной догме парламентаризма, глава правительства должен избираться законодательной палатой, и уже парламентский избранник подбирает остальных членов правительства. Эта догма, формулированная около 50 лет тому назад основоположником парламентаризма — Прево-Парадолем и лишь в после-военных конституциях Германии, Австрии и Пруссии нашедшая себе выражение, в других странах видоизменяется в том смысле, что глава государства, назначающий правительство, должен избирать членов правительства из той партии, или из тех партий, которые составляют большинство в парламенте. Правительство должно уйти в отставку, если парламент выразит ему недоверие. В подавляющем большинстве стран, следующих этой форме демократии, и самый глава государства — президент республики — избирается законодательными палатами.

В парламентарной демократии законодательная власть и власть исполнительная взаимно связаны главою государства и правительством, взятыми из парламентского большинства.

В демократии с разделением властей, власти законодательная и исполнительная совершенно независимы друг от друга. В основании устройства этой формы демократии положено начало, что ни одна из этих властей не может участвовать в создании другой. Каждая из них должна иметь свой источник непосредственно в народе. И потому глава государства должен избираться не законодательными палатами, ибо это влечет зависимость исполнительной власти от законодательной, а или народным голосованием (плебисцитом), или особо для этой цели избранными народными выборщиками. Со всею мощью опирающийся на народ, президент является главою государства и исполнительной власти не только по имени: он управляет, но и несет ответственность как за свои

действия, так и за деятельность правительства, им назначаемого и лишь перед ним ответственного. Члены правительства не обязаны вотумом доверия или недоверия законодательных палат, более того, они не могут быть и в их составе: должность члена правительства и звание депутата — несовместимы.

III.

На своей родине — в Англии — парламентаризм явился следствием борьбы между парламентом и монархом, борьбы весьма удачной для парламента. Расцвету парламентаризма весьма способствовали своеобразные политические условия Англии: существование в течении многих десятков лет только двух партий в стране. Ясно, что та партия, которая получала большинство на парламентских выборах, имела возможность на весь срок полномочий парламента (5 лет) установить сильное правительство. Но уже теперь, с появлением третьей политической партии, английский парламентаризм начал давать перебои.

В других странах при множестве партий в парламентах (до 20-ти), парламентаризм дает примеры сильной исполнительной власти, как исключение — обычно в момент общей опасности для страны: война, финансовый кризис, — а чаще примеры власти слабой. Неизбежность соглашения партий в парламенте для создания и поддержания правительства ведет и к коалиции в правительстве. Но коалиция влечет за собой не только уступки программные, решение таких-то вопросов не затрагивать, а такие-то разрешить путем компромисса, т. е. так, как ни один из участников соглашения, если бы решал один, их не разрешил бы, — но часто, если не постоянно, к внутренней борьбе за преобладающее влияние и в правительстве. Борьба партий в коалиции начинается при образовании правительства из-за захвата таких влиятельных ведомств, как дела внутренние, внешние, финансовые, ведется во все время существования коалиции и завершается разрывом. Наступает кризис, то-есть, полная приостановка творческой правительственной деятельности, затягивающийся **иногда на недели** и даже месяцы и завершающийся новой коалицией, которая начинает переоценки и переработки заготовленных проектов законов и правительственных мероприятий. Парламентские министерства — краткосрочны, в среднем держатся не более года.

И эта краткосрочность, нарушая преемственность государственной работы, пагубно отражается на больших и серьезных мероприятиях, требующих для своей подготовки и осуществления продолжительного времени.

Эти неизбежные при многочисленности партий в современных парламентах недостатки парламентаризма приводят к фикции, к положению, когда парламентаризм существует только по имени, для виду.

О каком доверии парламента может быть речь, когда правительство, как то недавно было в Пруссии, располагает большинством в 2 голоса? Сила такого правительства, судьба которого зависит от здоровья двух депутатов, близка нулю. Но этого мало. В прошлом году мы видели в Германии правительство, вообще не имевшее большинства в Рейхстаге, но терпевшееся в силу сознания большинством своего бессилия, из-за партийных раздоров, создать правительство, пользующееся доверием большинства парламента.

Молодая Чехословацкая республика за короткий срок своего существования, из-за невозможности образовать правительство, имеющее большинство в парламенте, уже трижды имело так называемые чиновничьи правительства, что, не противореча, конечно, букве конституции (ибо в ее постановлениях нет требования, чтобы министры были обязательно членами парламента), является отрицанием самой сущности парламентаризма.

Но и в тех случаях, когда создается сильное парламентское правительство, парламентаризм, в силу своей сущности, в силу взаимной связанности властей законодательной и исполнительной приводит на практике к извращению отношений между этими властями и даже больше — к извращению самой идеи парламентаризма, самой основы демократии.

По идее, парламентарное правительство есть уполномоченный приказчик власти законодательной. В действительности сильное парламентарное правительство бывает лишь тогда, когда оно составлено из партийных вожakov (лидеров) и потому превращается в руководителя, господина парламента, которому достается в удел лишь накладывать штемпель на все предложения власти, покрывать все ее деяния. Нередкие министерские кризисы без вотума недоверия парламента, даже во время его каникул, показывают, что при парламентаризме парламент отходит на второй план. Судьбы государства решаются не в

государственных учреждениях, а в партийных комитетах.

IV.

Каковы могли бы быть перспективы парламентаризма у нас, в России?

При всей надежде, что крестьянство, политическая сознательность которого за долгое лихолетие возросла, создаст могучую крестьянскую партию, нет основания думать, что в российском парламенте будет мало партий. Опыт прошлого (в государственных думах) и свойственная не одним нам, русским, черта объединяться лишь с теми, с коими во всем согласны, а при несогласии, даже во второстепенных вопросах, образовывать особые партии, говорят за многочисленность русских партий в будущем.

При таких условиях образование сильной исполнительной власти в России встретило бы все вышеуказанные трудности. России, в еще большей степени чем западно-европейским странам, пришлось бы пройти через полосы тягчайших правительственных кризисов, быть может, в течение многих лет. Но кризисы, в особенности правительственные, — это безвластие, паралич государственной деятельности, влекущие за собою расстройство страны. И такое положение совершенно недопустимо в этот период жизни государства, когда требуется неустанная, непрерывная работа во всех областях. Вспомним, что после первой русской революции, так называемой «смуты» XVII века, России потребовалось несколько десятилетий, чтобы восстановить разрушенное, создать устойчивый государственный уклад, давший основу для преобразований Петра I. Но, в силу обширности страны, сложности жизни государств XX века и чрезвычайной запутанности, после тяжелой войны и большевицкого хозяйничанья, правовых и хозяйственных отношений, задачи, которые должна будет разрешить будущая демократическая власть в России, неизмеримы со стоявшими перед государственными деятелями московской Руси XVII века.

V.

Следуя второму из указанных видов демократического государственного устройства — демократии с разделением властей, возможно построить сильную и ответственную исполнительную власть.

Но «следовать образцу» ни в коем случае не означает слепого воспроизведения «догматов» демократии и подражания уже

существующим по этому образцу в других странах порядкам. Да и изучение этих порядков приводит к выводу, что, ради удовлетворения своеобразных потребностей и в соответствии с особенностями той или иной страны, «догматы» подвергаются глубокой и серьезной переработке, и демократия с разделением властей усваивает черты государственного устройства, свойственного парламентарным демократиям и обратно. Это потому, что строг и точен мир понятий, но не мир реальных явлений. Неизбежно поэтому взять лишь основную идею этой формы демократии, обеспечивающую силу власти, а при ее осуществлении серьезно и внимательно считаться и с задачами переживаемого государством исторического момента и бытовыми условиями страны, и с психологией народа и с уроками прошлого. Эти последние и ясно, еще с 1904 года, выразившиеся требования обществественности, дают властное указание на неизбежность усиления ответственности высших носителей власти, совершенно безответственных и при старом и при большевицком режимах. Основная же идея демократии с разделением властей, как мы знаем, в независимости друг от друга властей законодательной и исполнительной, глава которой получает полномочия от народа.

У нас, в России, при 146-миллионном населении и громадном пространстве страны (около $\frac{1}{6}$ мира), избрание главы государства всеобщим народным голосованием вызвало бы чрезвычайные, едва ли преодолимые трудности и требовало бы огромных средств. А сбережение (экономия) сил и средств — таковы должны быть руководящие начала государственного устройства и управления демократической России. Но, как уже указывалось, избрание президента республики не может быть предоставлено и общегосударственному парламенту. И власть законодательная и власть исполнительная должны самостоятельно опираться на народное волеизъявление. Поэтому для избрания президента республики должны быть созданы особые собрания народных представителей.

Относительно построения этих собраний возможны самые разнообразные предложения. Если Россия будет федеративным государством и если в должности президента будет желательным подчеркнуть то, что он глава федерации, — возможно избрание президента делегациями представительных собраний федеративных частей России, само собою, делегациями, составленными пропорционально численно-

сти каждой части. Если в лице президента будет желательно выразить, что и федеративная Россия представляет «совокупную нацию», исторически сложившееся, политическое и экономическое единство, скованное общей культурой, в сокровищницу которой все народности внесли свой вклад, — избрание президента должно предоставить собранию выборщиков, избранных всеобщим народным голосованием. Наконец, возможно предложение о избрании президента представителями самоуправляющихся единиц, избранных в свою очередь на основе всеобщего избирательного права, представляющих, так сказать, готовый кадр выборщиков. В этом деле важно лишь одно, чтобы выбор президента выражал волю народа.

Семилетний срок полномочий президента, усвоенный крупнейшими парламентными демократиями (Франция, Германия), в демократиях с разделением властей не принят, ибо столь продолжительный срок нарушал бы ее основу — зависимость исполнительной власти от народа. Четырехлетний срок полномочий президента (а, следовательно, как максимум, и правительства), существующий в Северн. Америке, мог бы быть установлен и у нас, ибо, с одной стороны, он известен нашему законодательству о самоуправлениях, а, с другой, он дает достаточно простора для преемственной, уверенной деятельности правительства. Следовало бы, в целях охраны республиканского режима, сохранить и у нас существующие во всех республиканских конституциях положения о том, что никто не может быть избираем последовательно более двух раз. Далее, надлежало бы выборы законодательных палат и президента, если срок их полномочий будет одинаков, производить в разное время. На одновременном их избрании могли бы слишком отразиться настроения момента. Этим обусловливается назначение различных сроков полномочий первой и второй законодательных палат (например, в Чехословакии — палата депутатов — 6 лет, сенат 8 лет) и главы государства (в Чехословакии — 7 лет). В случае смерти или отставки президента республики, председатель правительства, вступающий в исполнение должности президента в трехмесячный срок обязан собрать выборщиков для избрания нового главы государства.

VI.

Избираемый народом через его особых представителей для управления страной,

президент представляет политический элемент в исполнительной власти. Он назначает и увольняет членов правительства, которые за правильность и целесообразность своих действий ответственны перед ним, а не перед законодательными палатами. И потому вотум их недоверия не должен влечь за собой *обязательную* отставку правительства или отдельного его члена. Правительство — это технический элемент исполнительной власти, и потому нет особых оснований к назначению членов правительства из числа депутатов законодательных палат.

Более того, назначение членов правительства из среды депутатов — обычно лидеров или виднейших представителей той или иной политической партии — легко могло бы повести, с одной стороны к внесению в правительство влияния партий, а, с другой, и к воздействию правительства на направление политической деятельности партий в парламенте. Вместе с тем допущение таких назначений неизбежно закрыло бы путь привлечению к государственному управлению специалистов дела. И потому правило С.-А. С. Штатов о несовместимости звания члена законодательных палат с должностью члена правительства, на практике давшее хорошие результаты, должно быть принято и у нас.

Президент республики определяет *основные* линии политики, общие начала которой одобрены народом избранием его на должность. В пределах этих основных линий каждый член правительства самостоятельно ведет доверенную ему отрасль управления. Для обеспечения возможности осуществлять эту политику исполнительная власть должна обладать правом законодательного почина, т. е. правом выработать и вносить на рассмотрение законодательных учреждений проект законов и отстаивать их перед палатами. С другой стороны, в тех же целях, ей должна быть предоставлена возможность воспрепятствования осуществлению таких законодательных мероприятий, которые исполнительная власть считает несоответственными проводимой ею политике (так называемое право вето). Абсолютное право вета, т. е. право исполнительной власти отказать в опубликовании принятого законодательной властью закона несоответствует духу демократии с разделением властей. Но так называемое суспензивное вето, т. е. право, не опубликовывая закона, возвратить его для нового обсуждения в законодательные палаты с тем, чтобы, если они квалифицированы большинством (т. е. $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ го-

лосов общего числа членов), будут настаивать на его принятии, предизент обязан привести закон в действие — должно быть ему предоставлено. Установлением такого порядка достигается достаточная гарантия от ошибочной оценки важности и необходимости того или иного мероприятия как со стороны власти исполнительной, так и со стороны законодательной.

Из основного начала демократии с разделением властей — независимости и самостоятельности законодательной и исполнительной власти — вытекает, что президент не обладает правом ни роспуска, ни отсрочки заседаний законодательных палат. Он уполномочивается лишь на созыв палат на чрезвычайные заседания, когда является потребность в принятии спешных законодательных мероприятий, когда палата не в сборе. Но и такой созыв, в особенности у нас в России, при наших расстояниях, потребует значительного времени. Между тем могут быть обстоятельства, когда «промедление времени смерти невозвратной подобно», и исполнительная власть может, за отсутствием закона, оказаться не вооруженной для действий.

Польская и литовская республики, организованные по образцу парламентарных демократий, установили в последнее время правило, в силу которого члены исполнительной власти уполномочиваются на издание постановлений, имеющих силу закона, с тем, что, после открытия законодательных палат, эти постановления вносятся на их утверждение.

У нас, в России, было подобное правило (ст. 87 осн. законов) и, так же как и в Австрии (§ 14 конституции), было опорочено бесконечными злоупотреблениями правительства. Но не по этому только основанию — ибо, в условиях демократической республики всякие злоупотребления власти менее страшны: легче раскрываются и прекращаются — подобное правило не подлежит воспоризведению. Оно находится в противоречии с самой основой демократии с разделением властей: каждая грань власти должна заниматься делом ей порученным, а результат, ради которого это правило создается, может быть достигнут другим способом. Чехословацкая республика (§ 54 конституции), по примеру мексиканской (ст. 47 конституции) и чилийской (ст. 49), для принятия чрезвычайных законодательных мер, в то время, когда парламент не в сборе, учредила особый парламентский комитет из 24 членов: 16 избирает палата депутатов и 8 — сенат. В этот комитет и должна обращаться

власть исполнительная, когда необходимо принять чрезвычайную меру, для осуществления которой необходим новый закон. По созыве палат принятое комитетом постановление в двухмесячный срок предлагается на их утверждение.

Остальные полномочия главы исполнительной власти общи во всех государствах. Президент республики является верховным вождем вооруженных сил, представляет государство во внешних делах, принимая чужеземных и посылая своих послов и других демократических представителей, имеет правомочия, с согласия парламента, объявлять войну и заключать мир, вступать в политические соглашения с иностранными государствами с тем, однако, что договоры, налагающие обязательства на государство или граждан, требуют согласия парламента. Ему принадлежит право помилования осужденных. Наконец, президенту предоставляется в пределах, указанных законом, принятие всех мер для устройства различных частей государственного управления и хозяйства и для осуществления закона. Если Россия будет федеративной республикой, то президенту республики надлежит предоставить полномочие принуждать при помощи вооруженных сил ту входящую в состав России область, которая не исполнит обязанностей, лежащих на ней в силу федеративной конституции или законов (ср. ст. 48 германской конституции).

VII

В демократии с разделением властей, стремящейся создать сильную демократическую власть, нет места правилу парламентарной демократии о том, что глава государства безответствен за свои правительственные действия и что ответственность за них, так же как за письменные и устные его заявления, несет правительство и отдельные его члены, скрепляющие всякий акт президента. Здесь царит другое начало об ответственности каждого должностного лица, начиная от первого, за им содеянное, ответственности (для всех) уголовной и (для высших представителей исполнительной власти) и политической.

Главная сдержка от злоупотреблений со стороны исполнительной власти, конечно, в сознании его зависимости от народа по окончании срока полномочий. Этой сдержки, как показывает опыт, оказывается вполне достаточно для главы исполнительной власти. Однако, закон должен предусматривать возможность зло-

употребления властью и со стороны президента республики. Кроме того, одной ответственности членов правительства перед президентом, могущим их уволить от должности, — недостаточно. Необходимы установления, которые могли бы пресекать злоупотребления, обнаруживать их и доводить до суда.

В демократии суд ставится на исключительную высоту и является органом надзора и над властью законодательной и над властью исполнительной. Он уполномочивается отказывать в применении законов, противоречащих, по его решению, конституции, распоряжений властей, не соответствующих законам. Но эту функцию суд может осуществлять от случая к случаю. Необходимы постоянные и независимые органы надзора.

У нас, до революции, кроме суда, было хорошо организованное учреждение Государственного контроля, наблюдавшего за деятельностью властей в финансовом отношении, то-есть, в области, в которой всего больше и чаще встречаются злоупотребления. Он добросовестно стремился осуществлять этот надзор над местными правительственными учреждениями, но в силу коренного порока старого строя — безответственности высших носителей власти — и в силу того, что его глава являлся членом правительства, государственный контроль был бессилен на верхах власти.

Для правильной постановки дела финансового надзора государственный контроль необходимо выделить из остальной массы государственных учреждений, дать ему судебскую независимость, а во главе поставить авторитетную коллегию (совет), самое образование которой было бы независимо от власти исполнительной. Так как в этом совете должны быть люди специальных знаний, то избрание их не могло бы с пользой для дела быть проводимо общим порядком. Необходим отбор кандидатов, но опять таки учреждением компетентным и независимым.

В соответствии с этим следовало бы установить, что избрание членов совета Государственного контроля и его главы предоставляется парламенту из двойного числа кандидатов, намеченных верховным судом государства. Эта коллегия, надзирающая за деятельностью высших представителей власти, являлась бы правомочной по возбуждению уголовных преследований за злоупотребления власти.

Наряду с коллегией госуд. контроля, надзор за действиями высших представителей исполнительной власти и возбужде-

ние против них уголовного преследования должны принадлежать прокурору Верховного Суда, ибо злоупотребление властью не ограничивается лишь финансовою областью государственного хозяйства. Но так как человечество еще не придумало такого устройства прокуратуры, которое обеспечивало бы ей независимость действий, то необходимо предоставить потерпевшему право принесения на отказ прокурора в возбуждении дела жалобы верховному суду, решение которого по этому вопросу окончательно.

VIII

Рядом с уголовной ответственностью высших носителей исполнительной власти стоит политическая или государственно-правовая их ответственность, то-есть, ответственность не за преступления, предусмотренные под страхом наказания уголовным законом, а за действия, причиняющие вред государству, но сами по себе, может быть, и не преступные. Состав этих деяний устанавливается практикой от случая к случаю, ибо законодатель может дать и в действительности дает лишь общие указания: нарушения конституции и законов, покушения на независимость и целостность государства, ограничения свободы выборов, посягательства на свободу суждений парламента и т. д.

Таким образом характерной особенностью действий, дающих основания для этой ответственности, является спаянность в них правового элемента с элементом политическим. Такой характер деяний предопределяет и особый порядок возбуждения преследования или особое устройство суда. Дела должны быть возбуждаемы не обычными, вышеуказанными органами, а постановлениями парламента. Забота о устойчивости исполнительной власти, о том, чтобы путем возбуждения преследования не сводились партийные счета, — диктует установление правил, что для своей действительности, постановление это должно быть принято квалифицированным большинством ($\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ голосов) парламента.

В силу того же характера этих деяний дела в них должны быть рассматриваемы особо установленным судом, в устройстве которого сочетались бы серьезные юридические знания, судебская опытность и независимость со здравым политическим смыслом и чутьем народа. С этой точки зрения, все известные по конституциям разных стран организации таких судов

должны быть признаны неудовлетворительными: в большинстве стран этими судами является верхняя палата парламента, в меньшинстве — верховные суды. Но верхняя палата есть часть законодательной власти, и таким образом эта власть — в нижней палате является обвинительницей, а в верхней — судьей в своем собственном деле. Сила исполнительной власти в независимости от законодательной, таким же устройством суда эта независимость несомненно нарушается.

Поэтому, мне думается, наиболее удовлетворительным устройством суда над президентом республики и членами его правительства явилось бы такое, в котором половина членов избиралось бы верховным судом, а половина — собраниями выборщиков, избирающими президента республики. При этом эта последняя половина должна избираться сроком на 12 лет, с тем, что при каждом новом избрании президента выбывала бы и вновь избиралась бы треть членов. Таким порядком пополнения суда устранялась бы возможность составления суда исключительно политическими сторонниками вновь избранного президента республики.

IX.

Несомненно, что и устройство исполнительной власти по образцу демократии с разделением властей далеко от совершенства. Оно, как и всякое творение рук человеческих, имеет свои недостатки. Но его достоинства таковы, что побуждают мириться и с недостатками.

Его первое достоинство неоспоримо: это — возможность устройства действительно сильной устойчивой и ответственной исполнительной власти. Второе достоинство, обуславливающее и первое, — в том, что политическая борьба приурочивается к определенным, заранее известным моментам — при выборах в парламент и при избрании президента республики; в остальные периоды времени, при таком устройстве, нет почвы для развития партийных страстей и в частности для борьбы за обладание властью. Создается на долгий срок неотравленная политическими интригами деловая атмосфера, получается возможность для проявления воли, энергии, деятельности, то-есть, того, что так необходимо в России, где должно быть построено могучее, сильное, здоровое демократическое государство.

А. Лазаренко.

Большевики и кооперация.

Советская власть в отношении к кооперации, как, впрочем, и во всех других проявлениях своей деятельности, была и есть верным исполнителем предначертаний партии большевиков. Поэтому, чтобы понять и проследить отношение к кооперации сов. власти, необходимо остановиться на идеологии в этом вопросе партии большевиков, а насколько последние являются марксистами и социалистами, вкратце просмотреть отношение к кооперации и этих последних, хотя бы в самых главнейших этапах.

В отношении к кооперации взгляды социалистов расходились. Одни придавали ей огромное значение не только в деле поднятия уровня материального благосостояния масс, но также в возможности через кооперативное строительство осуществления самого социализма. Другие, наоборот, видели в кооперации лишь некоторое средство улучшения материального благосостояния пролетариата и только. И, наконец, третьи считали кооперацию вредной, могущей внушить пролетариату мысль о возможности достичь социализма

через кооперативное строительство и без классовой борьбы, следовательно, выражаясь марксистским языком, кооперация затемняла классовое самосознание пролетариата. Первого взгляда придерживался Лассаль и его приверженцы. Ему казалось, что создание сети кооперативных фабрик есть средство к достижению социализма. Поэтому Лассаль, а затем и его последователи, требовали и «государственного содействия кооперативному делу и государственный кредит для свободных производительных товариществ с демократическими гарантиями». Потребительской кооперации Лассаль не придавал большого значения, т. к. в ней рабочие, по его мнению, стремятся лишь к удешевлению продуктов, между тем как достигнутые благоприятные результаты в этом отношении, по учению Лассалья, только кажущиеся, ибо каждое такое достижение, в конце концов, уничтожается действием «железного закона заработной платы». Ведь, по этому закону, автором которого является сам Лассаль, материальное положение рабочего не меняется, и всякое

понижение цен на продукты неминуемо вызывает соответствующее же понижение заработной платы.

Маркс и его последователи видели в кооперации только паллиатив к некоторому материальному благополучию рабочих. Надежды же через кооперативное движение прийти к социализму Маркс не разделял и даже всемерно осуждал, считая такой взгляд вредной утопией, отвлекающей рабочих от прямой борьбы с капиталом. В составленной резолюции для Женевского конгресса Интернационала (1866 г.) Маркс писал: «Кооперативное движение, ограниченное в своей эволюции теми карликовыми формами, которые могут ему придать несколько предоставленных своим личным силам наемных рабочих, никогда не будет в состоянии преобразовать капиталистическое общество. Чтобы создать из общественного производства крупную и гармоничную систему свободного и кооперативного труда, необходимы изменения в общих условиях общества, — изменения, которые никогда не будут осуществлены, если организованная власть не перейдет из рук капиталистов и земельных собственников в руки рабочих».

Значение кооперации Маркс видел лишь в том, что последняя являет живое свидетельство возможности организации крупного хозяйства на началах обобществления производства. Но такие хозяйства, по его мнению, не могут быть зародышем будущего социалистического строя, т. к. возникая в капиталистических условиях, они неминуемо повторяют все недостатки капиталистических предприятий. А кроме того, в условиях капитализма кооперативные хозяйства не могут получить всеобщего распространения. Таков, в общем, взгляд Маркса на городскую и в частности на рабочую производительную кооперацию. Что касается значения кооперации в деревне, то этот вопрос в свое время был освещен Энгельсом в его работе «Крестьянский вопрос во Франции» и Каутским в книге — «Аграрный вопрос». Их взгляды на кооперацию в деревне вполне совпадают со взглядом Маркса на кооперацию городскую. Так Каутский о с.-х. кооперации в свое время писал: «надо отказаться от мысли будто крестьяне при помощи кооперации могут при капиталистическом производстве воспользоваться всеми преимуществами крупного производства и тем укрепить свою крестьянскую собственность — эту шаткую опору существующего порядка». Это та же

мысль, которую Маркс развил в отношении к городской производительной кооперации. Но Каутский прибавлял еще, что в условиях буржуазного общества, с.-х. кооперация является одним из сильнейших факторов буржуазного влияния на деревню. «С.-х. производительные товарищества, говорит он, благодаря немедленным выгодам, которые они обещают сельским хозяевам, являются могущественным средством, содействующим индустриализации сельского хозяйства, но вместе с тем они являются также могущественным средством, пролагающим капиталу дорогу к власти над ним...» И с этой стороны с.-х. кооперация стоит, в глазах марксистов, ниже городской — рабочей.

Что касается отношения к кооперации большевиков, то в прошлом они относились к кооперативному движению весьма прохладно, если не больше. Они не видели в ней, как все ортодоксальные марксисты, не только решающего фактора в переустройстве капиталистического общества, но даже возможности путем кооперативных объединений более или менее серьезной борьбы с капиталом. Поэтому большевики шли в кооперацию скорее для того, чтобы использовать ее для прикрытия своей революционной деятельности в низах населения, чем для подлинной кооперативной работы. Большевики поэтому ценили выше всего рабочую кооперацию, как организацию чисто пролетарскую, и шли туда предпочтительнее, чем в другие виды кооперации. К с.-х. кооперации большевики в это время относились, если не враждебно, то во всяком случае без особых к ней симпатий. В дальнейшем, когда они захватили власть в государстве, их отношение к кооперации постепенно менялось. Лучше всего это отношение выражено в статьях самого Ленина. Ленин несколько раз менял свой взгляд на кооперацию в зависимости от времени и обстоятельств, как впрочем и во многих других вопросах. Вначале он писал: «Это обман, будто всевозможные кооперации играют революционную роль в современном обществе и готовят коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии»... В этот период он высмеивает кооператоров, верящих в возможность через кооперацию, без революции, перестроить мир в социалистический кооперативный строй.

Однако, в период провозглашения новой экономической политики, когда жизнь заставила большевиков пойти на уступки и отказаться от немедленного введения в

стране социализма, Ленин пересмотрел свое отношение к кооперации.

Он не только признал ее полезность, но поставил ее чуть ли не во главу угла социалистического строительства. В это время Ленин в статье — «О кооперации» пишет: «Раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас действительной задачей осталось только кооперирование населения. При условии максимального кооперирования населения само собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы... И дальше: «В сущности говоря кооперировать в достаточной степени, широко и глубоко, русское население при господстве НЭП'а есть всё, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверяя и контролируя его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., разве это не всё, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую и которую с известной стороны имели право третировать, теперь при НЭП'е также, разве это не всё необходимое для построения полного социалистического общества. Это не построение социалистического общества, но это всё достаточное и необходимое для этого построения».

Итак, сначала осуждение и даже осмеяние тех кооператоров, которые возлагали надежды на кооперацию в смысле влияния ее на переустройство общества на социалистических началах, а затем признание за кооперацией таковых свойств и ставка на нее в этом смысле — вот те этапы, которые проделал Ленин в отношении к кооперации, а за ним и вся большевицкая масса.

Те же самые этапы по отношению к кооперации проделала и советская власть. Последняя в самом начале своего существования почти не беспокоила коопера-

цию, а лишь держала ее на подозрении, в особенности кредитную и ее ответственных работников. Но с течением времени отношения эти постепенно ухудшались. Советская власть явно забирала курс на полное уничтожение одних видов кооперации и на превращение в советские служебные учреждения — других. Декретом 20. III. 1919 года о рабоче-крестьянских обществах советская власть впервые делает решительную попытку превращения органов потребительной кооперации в государственные органы снабжения, с функциями исключительно распределительными и подчиненными Наркомпроду. Декрет ставит своей целью превращение потребительской кооперации из объединения отдельных групп населения в объединение всех трудящихся на почве распределения; он проводит, таким образом, принцип принудительного кооперирования, что в свою очередь выдвигает необходимость уничтожения паевых взносов. В начале такие организации и названы были не потребительскими обществами, а потребительскими коммунами, каковыми они и являлись на самом деле, и только позднее, по тактическим соображениям, они были переименованы в рабоче-крестьянские потребительские общества.

Затем в этом же направлении советская власть идет еще дальше, а именно: 27. I. 1920 г. был издан декрет об объединении всех видов кооперации, в том числе и промысловой, с потребительской. По этому декрету с.-х. промысловые и кредитные кооперации были влиты в потребительскую. При чем кредитная кооперация этим декретом подверглась почти полному уничтожению, сельско-хозяйственная же и промысловая лишились своих руководящих всероссийских центров, слитых по этому декрету с Центросоюзом на правах его отдельных секций.

Этим декретом советская власть, можно сказать, завершила круг своих первоначальных отношений к кооперации, вернее ее разгрома. В основу реорганизованной советской кооперации власть кладет потребительскую, в виду того, что, по мнению большевиков, последняя стоит ближе к трудящимся массам, а следовательно и к советской власти. У кооперации были отняты ее главные атрибуты — добровольность и самостоятельность, без которых она перестала оправдывать свое название и превратилась в бюрократическое советское предприятие.

Если мы станем искать причины такого отношения сов. власти к кооперации, то

найти их не трудно. Они лежат прежде всего в том, что сов. власть в это время ко всему подходила под углом зрения принудительного и безотлагательного введения в стране социализма. Поскольку отдельные институты и учреждения страны шли в разрез с этим заданием, сов. власть такие учреждения упраздняла или реорганизовывала в нужном ей направлении. Так случилось и с кооперацией; — она была признана неответствующей целям социализма, и поэтому некоторые виды ее были уничтожены совсем, а потребительская кооперация обращена в потребительские коммуны, вернее в распределительные пункты, через которые власть распределяла между гражданами жизненные блага. В период т. н. «военного коммунизма», с точки зрения большевиков, это было и логично. На самом деле: что могла делать с.-х. кооперация при наличии закона о продразверстке, когда все излишки крестьяне обязаны были сдавать в казну? что могла делать кредитная кооперация, когда необходимость самих денег советская власть поставила под сомнение? Ту же скромную роль, которую большевики отводили кооперации в условиях капиталистических — некоторую защиту материальных интересов пролетариата и борьбу с хищническими злоупотреблениями капитала — последняя не могла выполнять по той простой причине, что капитал был уничтожен или, по крайней мере, считался уничтоженным, а строй капиталистический заменен социалистическим.

Но жизнь, как мы знаем, не оправдала радужных надежд большевиков. Ставка их на полный и немедленный коммунизм провалилась. В 1921 году наступил поворотный момент, когда советской власти пришлось провозгласить т. н. НЭП. С переходом к новой политике продразверстка была, как известно, заменена продналогом. Крестьянин, уплатив продналог, мог свободно реализовать излишки на рынке; таким образом он вовлекался в товарооборот. Открылась возможность некоторой частной инициативы в области торговли, промышленности и т. д. Появились, следовательно, все необходимые предпосылки для осуществления и развития кооперации не в казенном коммунистическом понимании, а в подлинном ее значении. Декрет от 10. VII. 1921 года говорит уже о восстановлении самостоятельного, независимо от потребительской кооперации, существования с.-х. кооперации. А 21. I. 1922 года восстанавливается и кредитная кооперация.

Вот тот путь, который проделала по указке большевиков сов. власть в отношении к кооперации.

Причины появления на свет похороненной большевиками кооперации лежат таким образом, как будто, в новой экономической политике сов. власти. Но мы бы жестоко ошиблись, если бы не стали искать и других причин, а другие причины заключаются в том, что к этому времени большевицкая мысль признала кооперацию, в особенности сельско-хозяйственную одним из главнейших факторов, помогающих населению, в частности деревне, практически освоить и осознать всю выгоду и необходимость социалистического строя. Это то самое, к чему пришел Ленин и что составляет в нынешней практической программе большевиков один из существенных элементов т. н. «ленинизма». Большевики постепенно убедились, что так быстро, как им хотелось раньше, и прямыми путями социализма не ввести, и первой причиной этому является деревня. Мужика в социалистический рай уже одними посулами не заманишь; поэтому надо было придумать какую-то форму организации, которая сама бы толкала крестьянина в объятия социализма, органически вовлекая его в социалистическое строительство. Такой формой была признана кооперация, дающая возможность, по мнению большевиков, внедрить социализм в жизнь путем наглядного практического метода коллективизации хозяйств и отдельных его отраслей. Отсюда полная перемена фронта. Не только признание за кооперацией нового значения и смысла, но и пересмотр отношений к отдельным ее видам. Некоторые большевики доходят до того, что ставят теперь с.-х. кооперацию, включая сюда и кредитную, выше и полезнее потребительской, так как с.-х. кооперация, по их мнению, является единственным средством справиться с деревенской стихией, воспрепятствовавшей введению в стране социализма.

О новом отношении советской власти к кооперации особенно ярко говорит резолюция XIII съезда советов: «Никогда и нигде кооперация не играла такого колоссального и решающего значения в деле строительства социализма, как после победы пролетариата над своим классовым врагом, и в особенности в такой стране, как наша, с огромным мелким крестьянским хозяйством, которое никакими другими путями не подведешь к социализму, как только через коллективные формы

организации, т. е. потребительскую и производительную кооперацию».

А. Бухарин, рассуждая на эту тему в статье: «Новое откровение о советской экономике, или как погубить рабоче-крестьянский блок», пишет: «К социалистическому производству на земле мы придем не путем вытеснения крестьянских хозяйств советскими хозяйствами на почве разорения крестьянских хозяйств, а совершенно иным путем, а именно путем вовлечения крестьянства в кооперацию, связанную с ним и зависимую экономически от государства и его институтов: мы придем к социализму здесь через процесс обращения, а не непосредственно через процесс производства; мы придем сюда через кооперацию».

Можно было бы еще не мало привести подобных мнений о кооперации и других большевистских идеологов, но достаточно и приведенных, чтобы сказать, что в отношении к кооперации у сов. власти действительно произошел крутой поворот. Другое дело насколько этот поворот «всерьез и надолго». Отвечая на этот вопрос можно заранее сказать, что насколько кооперация рассматривается большевиками только как средство для введения социализма, а не как самодовлеющий полезный институт, срок увлечения большевиков кооперацией тем самым предопределен. Его нельзя, конечно, определить календарно — датой, но условный срок ясен. Он наступит

тогда, когда большевики убедятся, что ставка их в этом смысле на кооперацию оказалась битой. А что это будет так, в этом сомневаться не приходится: ибо природа истинной кооперации, заключающаяся в своей основе единение, самодеятельность населения и добровольность, диаметрально противоположна советскому коммунизму, основывающемуся на разъединении и насилии над личностью.

Поэтому, нам кажется, не трудно предугадать, что получится в конце концов из этой новой большевистской хитроумной затеи — запретить мужика через кооперацию в социалистические оглобли. Вопрос этот весьма интересный, но требует самостоятельной разработки, пока же мы позволим себе на него ответить словами советского кооператора-экономиста и большевика О. Шмидта, высказанными им в статье: «Роль кооперации в ближайшее время» («Эконом. Жизнь», 1920 г., № 60): «Приближение к социализму в деревне через с.-х. кооперацию — чистейшая утопия. Эта кооперация, выгодная прежде всего крепкому единичному хозяйству, его же неизбежно укрепляет, скорее удаляя деревню от социализма, чем приближая». Кому выгодно прежде всего с.-х. кооперация — это особый вопрос, но в основном Шмидт прав: учение о кооперации, как пути к социализму «чистейшая утопия».

Ф. Ельгинский.

К вопросу о роли крестьянства в России.*)

Благополучие государства зависит от основной массы населения, а не от отдельных лиц. У нас в России, крестьянский вопрос острее и сложнее, чем в других государствах, ибо Россия — страна почти исключительно земледельческая, с населением землеробов-крестьян.

Земля в России является главным источником существования и наживы, поэтому нетрудовые классы стремились захватить право на владение землей, одни путем близости, родства и прислуживания власти имущим (во времена крепостного и до крепостного права), другие — силой капитала (после крепостного права) и, т.-к. властимущие сами являлись членами этих классов и были непосредственно заинтересованы в праве на владение зем-

лей, то и законы о земле издавались в интересах этих классов. В результате земледельческая Россия до 1917 года представляла из себя следующую картину: через 5, 10, 20 верст встречается усадьба дворянина, или купца-земледельца, вокруг которой расстилалось поле в тысячи десятин, и вокруг этого поля цепью тянутся села и деревни малоземельных крестьян, и $\frac{1}{3}$ рабочего времени этих сел затрачивалась в своем хозяйстве, а $\frac{2}{3}$ в хозяйстве соседа-помещика, и тот, кто знает земледельческую Россию, помнит, как низка была оплата с.-х. рабочего, и как непродушен был труд этого рабочего.

В области правовой всё было на стороне помещика, не было законных норм ни на оплату труда, ни на аренду земли; всё зависело от произвола помещика, а безземельный мужик лез в любую петлю, лишь бы засеять 2—3 десятины земли, заклю-

*) Помещаем эту статью, как яркое отражение настроений и чаяний русского крестьянина. *Ред.*

чал трудно выполнимые условия и малейший перебой в его хозяйстве уже лишал его возможности выполнить условия. А закон становился в защиту интересов помещика. В крестьянстве же росло возмущение против произвола помещиков и классовой однобокости закона.

К 1906 году это возмущение во многих губерниях возросло до крестьянской революции. Однако, вспышка эта была подавлена жестокими мерами, но подавлена была лишь наружно, фактически же крестьянский протест только начал выливаться в массовую форму; в сознании масс стало укрепляться мнение, что помещик — враг, с которым предстоит еще жестокая борьба.

И революция 1917 года не удовлетворила крестьянскую массу, очень уж свежи были раны, нанесенные крестьянам помещиком. Крестьяне рассуждали приблизительно так: теперь власть принадлежит народу, но равными со всеми правами пользуются и помещики — это не годится, и пошли за большевиками добывать помещика. Это произошло потому, что крестьянство не умело ценить политической свободы. Ведь на протяжении всей истории правительство стремилось держать его в состоянии безликой массы, не допуская к экономической, духовной и общественной культуре. Благодаря этому безличию крестьянин подпал под влияние чуждой для него партии демагогов-большевиков, всё стремление которой направлено к разрушению крестьянского хозяйства, его быта и традиций, как класса мелко-буржуазного. Марксисты-большевики втянули крестьянство в революцию, в процесс разрушения существующего порядка и физического истребления всех, могущих помешать коммунистической демагогии. После захвата власти и средств России, коммунисты повернули свое настоящее лицо к крестьянству. Они его обезличили в большей мере, чем оно было обезличено до революции. Землю, на борьбу за которую крестьянство отдавало свои лучшие силы, и во имя обладания которой творило революцию, коммунисты раздают колонистам и иностранцам-искателям наживы, а трудовую русскую крестьянскую массу сотнями тысяч переселяют в далекие края Сибири.

Все соки крестьянского хозяйства коммунисты выжимают на поддержку хронически разрушающейся советской промышленности. В ее интересах высоко нормируются цены фабрикатов и чрезвычайно низко — цены с.-х. продуктов.

За границей коммунисты бахваются электрофикацией и другими «достижениями», на самом же деле крестьяне лишены возможности приобрести предметы первой необходимости, благодаря отсутствию их на рынке и обнищанию сельского хозяйства. В крестьянской стране у власти нет ни одного крестьянина, а на местах крестьянство лишено инициативы в общественной жизни; всё и вся должно жить под декретом власти партии коммунистов. У крестьян даже отнимают веру в Бога и закрывают храмы — единственное место, где без контроля власти он мог бы излить свою душу.

Крестьянина обезличили, обесправили и разорили, но и теперь, как и встарь, у него не отняли волю к протесту. Нет того уголка в СССР, где бы не выступал крестьянин с протестом против произвола коммунистов. Однако, каждый раз крестьянин терпит поражение — его враг хитрее и организованнее. Пролито много крови. А польза? Только дорогой урок для будущей боевой схватки. Эти неудачи еще не означают неспособности крестьян к борьбе, а только то, что враг слишком коварен и хитер, и что в борьбе с ним крестьянству нужно нащупывать вернейший способ к его ликвидации.

Крестьянство в результате подчинения своих интересов интересам чужих политических партий, в результате постоянного проигрыша от этого и в результате неудач неорганизованных выступлений, пришло к заключению, что завоевать свободу, восстановить порядок в России можно только организованным путем, под руководством своей крестьянской партии, со своей определенной идеологией, программой и тактикой. Настоящий исторический период для крестьянства в России является периодом роста крестьянского самосознания. Положено начало его устремлению к своему центру — крестьянской партии, и близок момент завершения организации Российской Крестьянской партии. С этого момента неизбежен конец всяким авантюрам разных политических партий, ибо их порывы в область несбыточных идеалов, их болезненное стремление к власти будут сдерживаться мощью организованного, реально-мыслящего крестьянства. С этого момента не будет места и утопистам из третьего интернационала. Жаждающее порядка, условий для свободного созидательного труда крестьянство укажет им путь из России.

Неверно мнение, что крестьянство настроено против интеллигенции. Крестьян-

ство любит интеллигенцию своей страны. Оно не мыслит строительства разрушенной родины без участия людей науки и интеллигентного труда. И только часть ее, которая, пренебрегши интересами родины, занималась политическими авантюрами — оно презирает.

Настоящая интеллигенция, не оторванная от своего народа, желающая видеть

народ свой свободным, культурным и экономически обеспеченным, а Россию великой и могучей, должна все свои знания и энергию отдать крестьянству, борющемуся с общим врагом.

Сила, ум, труд и знание, и любовь к Родине — спасут Россию.

Г. Грачев.

В России.

Смена.

(Письмо из России).

*...Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и прощее нас...*

Анна Ахматова.

Вы спрашиваете меня, какая молодежь идет нам на смену? Это, конечно, большая и сложная тема, для которой накопилось достаточно материала, но которой я, в наших условиях, не могу заняться с той пристальностью, какой она заслуживает. Поэтому прошу вас посмотреть на всё ниже следующее, как всего только на впечатление лица, регулярно сталкивающегося со студенческой молодежью в работе и имевшего доказательства лестного доверия ее отдельных представителей в длинных разговорах и спорах.

Мне представляется, что те новые черты внутри-российской интеллигенции, которые уже не раз отмечались в своем обостренном виде, характеризуют и облик нового поколения. В этом смысле наиболее частое у нас расхождение отцов и детей определяется окончательным уходом вторых от фигуры классического русского интеллигента, с которой первые еще не всё порвали... И удивительные строки Ахматовой, хотя и написаны о стариках, но еще в большей степени относятся к тем, кто идет нам на смену.

Не забудем в самом деле, что новое поколение пережило вместе с нами ужасные годы, что часть его именно тогда начало свою сознательную жизнь, что оно с детства хорошо знает, что такое голод, безработица, тюрьма; с отрочества знает, что такое заработок и с отрочества привыкло во многом полагаться только на себя.

Возьмем, прежде всего, материальное положение нашей молодежи. Только в исключительно счастливых случаях юноша, кончающий школу II-й ступени, может не думать о заработке, чтобы содержать себя и семью. Даже для комсомольцев стипендии сокращены много ниже прожиточного минимума, а обыкновенные смертные даже и рабоче-крестьянского происхождения на них вовсе не могут рассчитывать. Возможностей платной работы, отнимающей немного времени, как уроки, переводы и пр., для нынешних студентов почти совершенно не существует. Приходится, в лучших случаях, поступать на советскую службу и отдавать ей 6½ часов в день, а чаще на фабрику с 8 часами работы. Почитаются счастливым тот, кто имел возможность скопить за летнюю практику столько, чтобы два-три первых месяца всё свое время отдавать занятиям. Вот вам материальная база студенчества. Привычка рассчитывать только на себя делает юношей сразу взрослыми и самостоятельными, несмотря на то, что современное

студенчество, исключая рабфаковцев, вследствие сокращения на два года курса школы II-ступени и невозможности оставаться в вузе дольше жестко поставленного срока, значительно моложе прежнего.

Багаж, который молодежь приносит с собой из школы II-ступени и рабфака, до сих пор был угрожающе скромным. Правда, за последние два года школа начинает выправляться, повышается дисциплина и отбрасываются наиболее рискованные эксперименты в преподавании. Да и в вузы теперь принимают, главным образом, по конкурсному экзамену, который в специальных учебных заведениях бывает очень серьезным. Рабфакам еще оставляется некоторая «норма», но серьезный контроль знаний студентов на первом же курсе приводит к тому, что огромное большинство рабфаковцев отпадает, вследствие невыполнения минимума. Но если уровень знаний студентов последних поступлений в области естественных и математических наук более или менее удовлетворителен, то в области истории и наук общественных студенты продолжают оставаться малограмотными, несмотря на то, или вернее вследствие того, что на политграмоту отводятся очень много учебных часов. Политграмота отталкивает, притом не только антикоммунистически настроенные, даже не только индифферентные элементы, она стоит поперек горла и самим комсомольцам. Над политграмотой принято смеяться, ее принято презирать, так же как в былые времена было принято презирать катехизис. Бесчисленное количество юных умов упражняется в выдумывании каверзных вопросов преподавателю политграмоты, и каждая западня сопровождается откровенным гоголем класса. А в вузах разве можно забыть то нескрываемое издевательство в тоне, каким большинство студентов отвечает на экзамене политграмоты, и эту неизменную начальную фразу, которой отвечающий снимает с себя ответственность за содержание своего ответа: «с точки зрения марксизма».

Да, есть какая-то здоровая интуиция, заставляющая наших детей, в возрасте, когда едва пробуждается их собственная критическая мысль, уже с сомнением и недоверием относиться к догматически преподаваемой политграмоте. И как в наше время, обязательное прохождение катехизиса никого не привлекло в лоно православной церкви (и быть может многих оттолкнуло), так и теперь, обязательность советского катехизиса не содействует укреплению официального миросозерцания. Но отталкиваясь от политграмоты, молодежь отталкивается и еще от очень многого — все общественные науки попадают в опалу, все общественные теории ведь это то, о чем говорится

на страницах Бухарина, Вольфсона, Слуцкого, Покровского! Может быть другие говорят о них иначе, но всё равно, наверно также бездоказательно — такой уж это бездоказательный предмет! Сын моего знакомого, лет 16—17, просматривая как-то на столе отца книги социалистического содержания, с грустью в голосе сказал: «Удивляюсь я тебе, папа, ведь вот ты и природу любишь и искусство, и говорить с тобой можно по-человечески, спорить и доказывать, а читаешь ты... такое»... И он махнул рукой и не кончил фразы.

Но какой-то элемент марксистской упрощенности от политграммы всё таки остается. Мне кажется, остается впечатление неизбежности классового, корыстного трактования проблем общественного, а так как здоровая интуиция требует объективного, то отсюда непредусмотренный авторами политграммы вывод: «ну их к черту с их красными и желтыми теориями, лучше буду заниматься математикой; — она-то у буржуа и у пролетария одна и та же». Этими именно словами и мотивировал мне один студент свой переход с общественного факультета на математический.

Прямо изумительно до какой степени советская молодежь не знает истории, и вина в этом, конечно, не ее. Очень часто она отдаёт себе полный отчет в том, что без истории нельзя быть интеллигентным человеком и иногда самостоятельно начинает пополнять пробелы своего образования. Но, удивительно, что история XIX и XX века ее совершенно не привлекает. Увлекаются Египтом, Вавилоном, Грецией — это в порядке вещей. Можно интересоваться средневековьем, русским XVIII веком, при упоминании же о июльской революции, о чартизме естественно сказать: «да было, кажется, что-то такое в политграмме, да это меня не интересует».

А что же, что же интересует это новое поколение, спросите вы? О, многое и весьма разное. Школа II-ой ступени испытывает массовое увлечение спортом, кинематографом, шахматами, радио, и нужно сказать, что это увлечение весьма активное, при котором создаются кружки, читаются доклады, поднимающие подчас довольно обширную литературу, ставятся эксперименты, ведется переписка со специалистами и т. д. Эти увлечения видны самому поверхностному наблюдателю. Дальше идут не столь бросающиеся в глаза кружки научные и художественные, часто имеющие свой печатный или гектографированный орган. Мне приходилось просматривать номера таких школьных журналов, они отличались от журналов нашего школьного времени, как наши дети отличаются от нас в гимназическом возрасте: — большей сосредоточенностью интересов (которую многие назовут узостью), большей деловитостью и серьезностью, несомненно большей сухостью, но и большей содержательностью.

Интересы, проявившиеся в средней школе, далеко не всегда получают возможность проявления в дальнейших занятиях. Высшую школу определено предпочитают техническую, не только те, кто чувствует непосредственное влечение к технике. Это часто объясняют житейским практицизмом современной молодежи. Инженер — нужен, инженер всегда хорошо устроится. Но на длинном ряде случаев я убедился, что это далеко не так. Люди, интересующиеся гуманитарными науками поступают в политехникумы потому, что историко-филологические факультеты разрушены, потому что тенденциозному и извращенному преподаванию интересующих их предметов они предпочитают техническое обучение. Да и в дальнейшем в условиях советской действительности, в об-

ласти гуманитарных наук человек не может рассчитывать ни на какую независимую деятельность, а нужно сказать, что новое поколение особенно остро ценит возможность делать, строить, воздействовать на жизнь и подчинять ее себе и притом так, чтобы видеть реальные результаты своей деятельности.

Науки и учебные интересы играют в жизни современного студенчества, по моему, значительно большую роль, чем играли в наше время. Группа, активно научно работающих студентов составляет гораздо больший процент, чем прежде. Этому, несомненно, содействует то сосредоточение интересов на своей специальности, которое наблюдается теперь. Выдержке и дисциплине в работе квалифицированной части студенчества мне часто приходилось удивляться. То разбрасывание, которое было столь характерным для нескольких русских поколений, как будто рукой сняло. Да, многое в новой молодежи чуждо и неприятно. Большинство ее слишком рано заделывается специалистами; она весьма равнодушна к героическим традициям русского студенчества и по виду она просто кажется сухой, но я убежден, что она просто «бессильна».

Отдельные лица и отдельные кружки, однако, часто заходят далеко за пределы своей специальности и интересуются многими и разными сторонами культуры, за исключением... общественности. В наши времена хороший студенческий тон требовал быть левым и с развязностью решать все государственные и общественные вопросы; сейчас хороший тон требует презрительно игнорировать эту область. Но в наши времена были свои запреты, которых теперь нет: не полагалось интересоваться вопросами церкви, даже не всеми искусствами вполне допускалось интересоваться (почему-то на плохом счету был, например, балет). Считалось предосудительным слишком много танцевать и заниматься своей наружностью. Теперь же, не теряя ни капли уважения товарищей, люди и усердно посещают церковь и фокстротируют по две ночи в неделю, и занимаются своей специальностью. И ведь до того заели нас предрассудки нашего поколения, что я сам, наблюдая группу в платьях выше колен, с подвигами короткими волосами и накрашенными губами, не без некоторого злорадства думал «что-то будет при зачетах». Но оказалось, что весь этот цветник, который к тому же сильно увлекался модными танцами, отвечал не хуже других, а отдельные его представительницы и очень хорошо. И не оказались они белоручками в работе и мозги у них не были птичьими и мне пришлось, устыдившись самого себя, констатировать, что не всё время они пудрили носы, а и читали, и что крашенные губы могут совмещаться с серьезными занятиями. Однако, это только пример, и я не хочу сказать, что следующее место после подготовки специальности занимают интересы фокстрота и туалета. Молодежь проявляет большой интерес к искусству, к музыке в особенности. Об этом свидетельствует хотя бы неслыханный успех симфонических концертов, добрую половину аудитории которых составляет молодежь. А развитие стихотворства грозит принять катастрофические размеры. Обращение к религии, которое довольно заметно на старом поколении, новое поколение задевает гораздо меньше. Однако, всё же я знаю студенческий церковный кружок. В высшей школе, как и в средней, продолжается, хотя и остывает несколько, увлечение спортом. Вот кажется и всё главное.

Вы мне скажете: а комсомол? Да, конечно, существует комсомол, но он по обязанности ямлит доклады о международном положении, о ле-

низме, может быть он включает в себя несколько искренних коммунистов, но ведь большинство то, и теперь это уже несомненно, идет туда, если и не для карьеры, так для льготных билетов в кинематограф, для занятий спортом, слишком дорогим для обыкновенного смертного, для участия в спектаклях и кино-постановках. Еще года два тому назад комсомол чем-то идейно притягивал школьную молодежь II-ой ступени, за последнее же время, по многочисленным показаниям учащихся и учащихся, от него совсем отвернулись наиболее серьезные элементы. В вузах комсомол имеет состав по преимуществу рабоче-крестьянский, что легко объясняется условиями приема на рабфаки, но массовый уход из комсомола самых демократических элементов, по мере вхождения их в академическую жизнь, давно уж представляет «больной вопрос» этой организации. Странно сказать, но даже в годы величайшего обострения детский коллектив школы в целом как-то твердо устоял против попыток расколоть его и расценивать отдельных его членов по признаку классовой принадлежности. В высшей же школе и подавно такие попытки (вроде чистки, например) конфузили и сколько нибудь порядочных комсомольцев.

Я уже говорил, что к политике и общественности молодежи относится презрительно. Мне как-то попали в руки ответы анкеты, произведенной в старших классах в школе II-ой ступени на вопрос о любимом герое. Никто, включая сюда и весь комсомол, не назвал ни одного политического деятеля в том числе и «обожяемого вождя», но было названо много путешественников, изобретателей, спортсменов и были художники и ученые.

Но при всем том жизнь приучает молодежь к неизбежности общественной работы, ощущаемой ею как тяжкая необходимость. Приходится, ничего не подлаешь, защищать то, что любишь и прежде всего возможность занятий и подготовки к избранной специальности. И вот только что презрительно фыркавшие по поводу всяких общественных выступлений юноши, стиснув зубы, отправляются на общее собрание вуза, выступают там против комсомола, защищая учебный план, выставляют свою кандидатуру в учебную комиссию, чтобы не дать пройти туда коммунисту, иногда по тем же мотивам проходят делегатами на съезды, ...и выносят от всего этого еще большее отвращение к общественной деятельности, но, правда, и обостренную вражду к существующей власти и ее приемам.

Естественно спросить, кто же они все-таки по своим, хотя бы еще не оформленным, симпатиям? Социалисты-ли? Нет, социализм — это политграмота и комсомол, хотя, конечно, если начать расспрашивать их более конкретно, они, пожалуй, чтобы отвязаться, согласятся и на социализм «только уж, пожалуйста, без «диктатуры пролетариата».

Шупал я, нет ли у них влечения к монархии. Нет, это для них почти из сказки, они удивляются, что еще кое-где существуют монархии. Но особой враждебности к этому строю они не чувствуют, они просто не могут представить себе его реальность. А вот личную диктатуру чаще могут себе представить, но слово «диктатура» для них вообще одозное политграмотное слово.

Дальше вести расспросы невозможно; кажется, все остальное «всё равно», и я не уверен, что они не прибавляют мысленно «только отстаньте с вашими скучными вопросами». Всё же из довольно многочисленных разговоров у меня создалось такое впечатление, что они хотели-бы какой то внеклассовой национальной политики, но увере-

ны, что такая все-равно невозможна, а отсюда равнодушный пессимизм.

Но при всем политическом индифферентизме никто из них не равнодушен к России. Патриотизм — это не то слово. У них не спокойная и почтительная сыновья любовь, а влюбленность, заставляющая не только всё прощать, но и всем восхищаться, даже там, где для этого не должно было бы быть места. С этим связан и широкий поток краеведческого движения, охвативший все медвежьи углы, и развитие самочинных групповых экскурсий и то, что принимается за практицизм, стремление к результативной работе. Посмотрите наших молодых поэтов, что значит для них одно имя «Россия», давно уже официально уничтоженное.

«Вот я имя твое, как завещанный дар берегу»!

При всем том, это чувство, как настоящая любовь, совсем не криливо, даже больше того, оно просто не выносит приподнятости тона и лишнего слов. И оно питает большую «надменность».

Должен сказать, что вы — эмигранты, для них почти что не существуете; правда, о наличии в эмиграции отдельных крупных представителей русской культуры они знают и жалеют, всячески радуются возвращению таких лиц в Россию, сильно огорчаются невозможностью такового, будучи глубоко уверены, что без России они, конечно, «пропадут» в творческом отношении.

Вот довольно бессистемный ответ на ваш вопрос. Он, конечно, не полон. Русская молодежь многообразна, я имел возможность дать вам представление только о господствующем облике интеллигентной русской молодежи, отменяя детали.

А. Н.

Народное образование в СССР.

(Факты и цифры).

Существует весьма распространенное мнение, созданное и усиленно поддерживаемое большевиками и их печатью, что в области народного образования советской властью сделаны большие успехи.

Так ли это?

В октябре 1917 года, когда коммунисты захватили в свои руки власть, они торжественно обещали, что через десять лет в России не будет неграмотных — так велика и успешна будет их работа. В самом конце минувшего 1926 года в России производилась всеобщая перепись. Казалось, что очень следовало бы воспользоваться ею, чтобы выяснить, есть ли еще в стране неграмотные и если есть, то сколько. Однако, к всеобщему удивлению, этот весьма важный вопрос под всякими предлогами из переписи устранили и его не учитывается.

Встает вопрос — почему? Почему коммунистическая власть, так любящая учитывать всё, что нужно и не нужно, можно и нельзя, на этот раз проявляет такое странное равнодушие к вопросу народного просвещения?

Ответ единственный: результаты советской деятельности в этой области столь малы, что переписывать неграмотных невыгодно.

Сравним расходы на народное образование прежде — в довоенное время и теперь.

И сейчас, и раньше деньги на него идут двумя путями: из средств государства, и из местных источников.

Коммунистический комиссар просвещения Луначарский исчисляет расходы государства на просвещение, на площади теперешней РСФСР в следующих цифрах (см. Нар. Просв., 1926 г., № 2):

в 1913 г. . . .	125.800.000	довоен. руб.
в 1923 г. . . .	56.600.000	червон. «
в 1924 г. . . .	90.500.000	« «
в 1925 г. . . .	138.500.000	« «

Последняя цифра расходов — 138.500.000 рублей, относящаяся к 1925 году, в переводе на довоенные рубли составляет около 70 миллионов рублей и не превышает половины того, что тратилось на народное образование в мирное время.

Таким образом, делу народного просвещения уделяется в два раза меньше средств, чем в довоенные годы.

По этим же расчетам на одну душу населения расходов на образование приходится в 1925—26 г. 1 р. 41 к. (современных) или около 70 к. довоенных, против 1 р. 75 к. довоенных. Во Франции тот же расход выражается в размере 3 р. 30 к., а в Пруссии (Германии) — 4 руб. Следовательно, коммунистическая власть уделяет внимания вопросам народного просвещения в 5—6 раз меньше, чем западные государства.

Тот же Луначарский вычисляет, что из местных средств на образование в пределах РСФСР в 1913 году отпускалось 85.200.000 довоенных рублей, в 1923—24 году — 117.700.000 руб., в 1924 г. — 165.500.000 руб. и в 1925 г. — 224.400.000 червонных рублей; в переводе на довоенные рубли последняя цифра составляет около 100 милл. рублей. На душу населения эти расходы дают: в

1913 г. — 1 р. 18 к., а в 1925—26 г. 1 р. 15 к. (довоенных).

Таким образом, общие издержки на народное образование, идущие от государства и из местных источников, для теперешней РСФСР в 1913 г. равнялись 211 мил. р., а в 1925 г. — лишь 180 мил. р. (довоенных). На душу населения это составляет: в 1913 г. — 2 р. 93 к., а в 1925 г. — 1 р. 80 к. (довоенных).

Если мы обратимся к вопросу, куда и как расходуются эти уменьшенные средства, то увидим, что очень много денег идет мимо народного просвещения.

Прежде всего, приведенные цифры современных расходов на народное образование в РСФСР следует уменьшить, так как в них включены траты на беспризорных, достигающие в 1925 году 45 миллионов черв. рублей и т. п. С другой стороны, очень большие суммы идут на так называемое «политическое просвещение» — т. е. на политическую пропаганду компартии, которая никакого отношения к настоящему просвещению не имеет.

Только в одной РСФСР это политическое «просвещение» поглотило в 1924—25 году 11.500.000 рублей («Педагогич. энциклопедия», т. I, столбец 1086—7).

В 1925—26 году одни только советские партийные школы поглотили 11.700.000 р., а в текущем 1926—27 году — 13.500.000 р. («Финансы и народное хозяйство» 27-III 1927 года).

Как относится коммунистическая власть к настоящему просвещению и к своей партийной пропаганде, показывают следующие цифры (см. «Педагог. энциклопедия», т. I, столб. 1086):

Тратилось в 1924—25 году на одного учащегося в разных школах:

	Хозяйственные расходы	Учебные расходы	Всего
в техникумах	1 р. 40 к.	10 р. — к.	11 р. 40 к.
в рабфаках (школы рабочей молодежи, подготовляющие в высшие школы)	9 р. 60 к.	8 р. — к.	17 р. 60 к.
в советских партийных школах	1 р. 70 к.	20 р. 80 к.	22 р. 50 к.
в высших учебных заведениях	76 р. 20 к.	55 р. — к.	131 р. 20 к.

Самые большие расходы, как видим, производятся на учащихся в коммунистических высших учебных заведениях. В то время, как на одного обучающегося в обычном вузе, готовящегося стать доктором или агрономом, расходуется в год всего на всего 20 р. 50 к., на одного обучающегося в высшей партийной школе коммуниста тратится в 6 с лишним раз больше — 131 р. 20 к. То же и с учащимся в техникуме. На ученика, готовящегося стать полезным техником, дается 11 р. 40 к. а на обучающегося в «совпартшколе» коммунистической «науке» — 22 р. 50 к., т. е. в два раза больше.

Число таких коммунистических школ, учащихся и учащихся в них растет. Растут и расходы на них. В 1921 году в России было только две коммунистических высших школы, в 1922 г. — шесть, в 1923 г. — девять, а в 1924 и 1925 годах — уже тринадцать. За это время число учащихся в них росло следующим образом: в 1921 г. — 92 человека, в 1922 г. — 407 чел., в 1923 г. — 793 чел., в 1924 г. — 1058 чел. и в 1925 г. — 1134 человека. Росло и число учащихся: в 1921 г. их было 1693 человека, в 1922 г. — 3382 чел., в 1923 г. — 5908 чел., в 1924 г. — 6444 человека. В те же годы растут и совпартшколы: в 1921 году их было 47, в 1922 г. — 150, в 1923 г. — 236 и в 1924 г. —

299; за эти же годы число учащихся в них росло следующим образом: 433, 1082, 2124, 2419, а в 1925 году — 2598 («Народное просвещение в СССР в 1925—26 г.»). Число политических школ и курсов на 1 января 1923 г. составляло 1495; учащихся в них было 59.544 чел.; на 1 января 1925 года этих школ стало уже 6431 и слушателей 205.547.

Для партийно-политической пропаганды отбрасываются, таким образом, громадные деньги от действительного образования.

Большие средства отнимаются от народного образования и на коммунистов-чиновников комиссариата народного просвещения. В 1914 году на всем пространстве тогдашней России — значительно больше нынешней — местные учреждения министерства народного просвещения имели 1082 чиновника, в 1921 году только в одной РСФСР их было 37.000 человек, в 1923 г. — 34.510 чел. и на 1. IV. 1926 года (в РСФСР) — 8.732 чел.; причем решено дальнейших сокращений не производить. («Народное Просвещение», № 12, 1926 г.). Таким образом, там, где раньше был один чиновник, теперь больше восьми.

Кто они такие, видим из следующих цифр (см. «Педагог. Энциклопедия», т. I, столб. 1081):

На 100 заведующих отделами народного образования приходится коммунистов	96
На 100 их заместителей	87
На 100 инспекторов	36
На 100 заведующих отделами социального воспитания	54
На 100 заведующих отделами политического просвещения	96
На 100 заведующих отделами профессионального образования	55
На 100 заведующих отделами советских национальных меньшинств	72
На 100 заведующих гублитами (большевистская цензура)	100

в СССР школ первой ступени было:

В 1921 году школ было	95.871,	учитель.	в них	229.961	и ученик.	7.759.531,
в том числе в сельских местностях	88.511,	« « «	181.973	« «	6.494.490.	
В 1922 году школ было	80.240,	« « «	190.012	« «	6.296.832,	
в том числе в сельских местностях	74.101,	« « «	145.499	« «	5.203.134.	
В 1923 году школ было	69.071,	« « «	137.680	« «	5.016.813,	
в том числе в сельских местностях	64.252,	« « «	106.604	« «	4.134.555.	
В 1924 году школ было	69.902,	« « «	140.184	« «	5.117.432,	
в том числе в сельских местностях	65.218,	« « «	108.836	« «	4.237.060.	
В 1925 году школ было	73.064,	« « «	143.490	« «	5.915.529,	
в том числе в сельских местностях	68.494,	« « «	112.218	« «	4.965.244.	

Через школу проходит только часть детей школьного возраста, так как в 1925—26 году их было в России более 10 миллионов (в одной только РСФСР — 8.240 тысяч. («Плановое хозяйство», № 8, 1925 г.).

На одну школу первой ступени приходилось (см. «Нар. образ. в СССР» в 1925—26 г.):

	в 1921 г.	в 1922 г.	в 1923 г.	в 1924 г.	в 1925 г.
Учеников	81	78.5	72.5	73	81
Учителей	2.5	2.5	2	2	2
Учеников на 1 учителя	34	33	36.5	36.5	41

Число учеников, приходящихся на одну школу растет, а число учителей уменьшается; число учеников, приходящихся на одного учителя увеличивается — он перегружается работой, качество которой от этого страдает.

Пользуясь имеющимися данными о числе учителей и учеников в СССР и сельские местности отдельно — можно высчитать, как изменяется это число учащихся, приходящихся на одного учителя в городах, и как в деревнях.

На 1-го учителя приходилось учеников:

	1921	1922	1923	1924	1925	Уве- лич. за 5 лет
в городах	26.4	24.6	38.7	28.1	30.4	4.0
в сельск. местн.	35.6	35.8	38.8	38.9	44.3	8.6

Прежде всего бросается в глаза, что сельский учитель гораздо больше городского переобременен работой и потому должен уделять каждому своему ученику меньше внимания и времени, чем городской — своему ученику.

Во-вторых, число учеников, приходящихся на одного учителя растет гораздо быстрее в деревнях, чем в городах. За 5 лет — с 1921 по 1925 гг. оно выросло в деревнях на 8.6, а в городах только на 4.

Ясно, что в деревне учителей не хватает, что в этом отношении коммунистическая власть гораздо больше заботится о городе, чем о селе.

Если сравнить число всех школ, которые могут быть отнесены к низшему образованию в 1914 г.

Как видим, раздутый чиновничий аппарат состоит почти сплошь из коммунистов.

Положение начального образования представляется в следующем виде (см. «Нар. образование в СССР в 1925—26 г.»). Число школ первой ступени, для детей от 8 до 11 лет, начиная с 1921 года и почти до самого 1924 года неизменно уменьшается; в 1924 году наблюдается лишь небольшое увеличение. Припомним, что за эти годы коммунистические политические школы все время растут.

с временем позднейшим и количество учащихся в этих школах, то получим следующую картину:

95.871,	учител.	в них	229.961	и ученик.	7.759.531,
88.511,	«	«	181.973	«	6.494.490.
80.240,	«	«	190.012	«	6.296.832,
74.101,	«	«	145.499	«	5.203.134.
69.071,	«	«	137.680	«	5.016.813,
64.252,	«	«	106.604	«	4.134.555.
69.902,	«	«	140.184	«	5.117.432,
65.218,	«	«	108.836	«	4.237.060.
73.064,	«	«	143.490	«	5.915.529,
68.494,	«	«	112.218	«	4.965.244.

с временем позднейшим и количество учащихся в
этих школах, то получим следующую картину:

	1914	1921	
Число школ	104.610	114.235	
Число учеников	7.235.988	9.211.351	
1922	1923	1924	1925
99.396	87.559	87.258	91.066
7.918.751	6.808.157	7.075.810	8.414.944

В действительности, школа первой ступени охватывает много меньшую часть детей в возрасте от 8 до 11 лет. Весьма большое количество учащихся в ней является подростками — старше этого возраста. В прениях на V съезде заведующих отделами народного образования выяснилось, что число таких переростков достигает половины всех учащихся в школе («Труды V съезда зав. отд. нар. образования»). В результате, на 100 детей школьного возраста (от 8 до 11 лет) в школе первой ступени учится не более 60.

Слабая постановка первоначального образования усиливается еще и тем, что положенные 4 года в ней учатся далеко не все. В среднем из 100 поступивших учатся 4 года школы лишь 24—25 детей, остальные учатся лишь 2—3 года. «Дети же бедных крестьян или вовсе не учатся, или посещают школу в течении двух лет». («Бюллетень», № 28 и «Известия», 7. XI. 25).

В довоенное время — в 1913 году — расходы на одного учителя и 40 учеников в низшей школе составляли 832 довоенных рубля; в 1924—25 г. они опустились до 800 червонных или 400 довоенных рублей, составляя, таким образом, приблизительно, лишь половину того, что тратилось на школу в мирное время. («Нар. Просв.», № 2, 1926).

Приблизительное представление о том, как распределяются расходы на народное образование между городами и деревней можем получить из следующих цифр (см. «Вся Сибирь и Дальний Восток»):

На обучение одного ученика школы первой ступени в Сибири правительство тратило:

	1924	1925
в сельских местностях	9 р. 47 к.	16 р. 56 к.
в городах	12 р. 05 к.	21 р. — к.

На просвещение одного человека в Сибири тратилось:

1924

1925

в селе — р. 42 к. — р. 78 к.
в городе 1 р. 86 к. 2 р. 59 к.

Особенно тяжело отзывается на положении нашей школы плохая оплата труда учителей. В довоенное время — к 1914 году — средняя заработная плата начинающего служить учителя равнялась 30 довоенным рублям в месяц; через каждые пять лет следовали прибавки по 5 р. в месяц, так что у старых учителей она достигала 60 рублей в месяц. Теперешний учитель сельской школы получает от 32 руб. до 44 руб. (современных), то есть, менее половины жалованья 1914 года. («Красная газета», 26. II. 1927). «Правда», № 68 от 1926 года исчисляет весь заработок школьного учителя в 37 р. 63 коп., но, добавляет она, лишь $\frac{1}{3}$ его получается с заработной платы за преподавание в школе — от прямого учительского дела; одна треть, т. е. около 12 рублей — приходится на побочные доходы. Это, конечно, приводит к тому, что многие полезные и нужные делу народного образования люди отклоняются от него в поисках более сносных заработков, а масса старых, хороших учителей бросает свою работу.

А. Вышковский.

Письмо к русским братьям, бенавшим за границу.

Нами получено из России печатаемое ниже письмо группы крестьян-сибиряков, снабженное рядом подписей. Среди них имеются подписи лиц, известных организации.

Прага, 5 сент. 1927 г.

Ц. Б. заграничных групп «Крестьянской России».

Дорогие братья! Вы избегли расправы ГПУ, духовного закабаления коммунистической партией; вы спаслись, но лишились Родины и всего того, что связано с ней.

Мы здесь не верим клевете коммунистов, что вы продались империалистам, что вы работаете против Родины и русского народа. Нет, это ложь! Многих из вас мы знаем, как любящих сынов нашей Родины и как преданных борцов за лучшую долю русского народа.

Вы, живя вдали от Родины, не можете себе представить тягот нашей жизни. Свобода, воля, инициатива и предприимчивость задавлены пятой ГПУ; религия, совесть и уважение оплеваны и потеряли свое публичное право. Этими «предрассудками» пользуются остальные люди, а «передовые» партийцы и все, что с ними живут, руководствуются политграмотой, а неофициально чтут «великий» лозунг великого злодея Ильича — «грабь награбленное». Коммунистическая казна грабит крестьян, а коммунисты грабят казну. Если мы и читаем чуть не в каждом № коммунистической газеты о судах над ворами-коммунистами, то ведь эти воры — партийцы последней степени, а первой степени партийцев не судят, ибо они сами суд и власть.

Мы, крестьяне, не учены, статистику не знаем, но наш простой рассудок говорит нам: казна дерет налоги в пять раз больше старого времени, хлеб наш скупает сама и наверно не в убыток продает, захватили все богатства страны и в то же время школы влчат жалкое существование. Безграмотность увеличивается; сельские больницы еле существуют, помощь сельскому хозяйству отсутствуют — агрономов и не видим. Во всей своей мрачной жизни мы не видим на что власть тратит

средства казны. Так куда же деваются все эти огромные средства? Ими наколачивают карманы проповедники коммунизма. Они же кутят в России и за границей с мамашками, усыпая свой развратный путь народными деньгами.

Грабля и разоряя нас, коммунисты платят за то обещаниями райской жизни. Некоторые дурачки вначале верили этим обещаниям, а теперь и дурачков не стало: никто не верит вранью коммунистов. Причина тому: время и факты. Обещали электрофикацию; ком-докладчики на сельских собраниях говорили: скоро сойдет со сцены рабочий скот и вы, товарищи, сидя на одном конце пашни, будете управлять работой электромашины... Ваши дома и улицы будут залиты светом электричества... На деле же: вместо электромашины самодельная колесуха (плуг) и арба. Вместо электро-освещения — смолевая лучина, жирник и керосиновая копилка, как роскошь. Теперь затих шум о электрофикации, зато зашумели о индустриализации. Мы, крестьяне, долго привыкали к мудреным названиям, и как только мало-мало привыкнем, оно уже вышло из моды. Крик о индустриализации тоже стал затихать, не дав ничего на деле. Да что говорить о технических и хозяйственных улучшениях, когда каждый убедился, что коммунисты не в состоянии этого сделать, да и не суждено свинье на небо смотреть.

Борясь за власть, коммунисты обещали народу: свободу, равенство, братство и народную власть. Достигнув власти и чтоб не лишиться ее, они объявили эти лозунги буржуазными предрассудками, а свою власть назвали рабоче-крестьянской. Крестьянство же за свободное суждение о своем житье беспощадно каралось. Сейчас трудно назвать цифру погибших от меча «рабоче-крестьянской» власти, но настанет время и история соберет тени погибших и назовет их миллионами. О власти народа разве можно мечтать, когда Троцкого, Зиновьева и К^о грозят исключить из партии за то, что те осмелились возразить против политики ком-чика, а ведь только три года назад портрет Троцкого висел на почетном месте у каждого партийца.

И теперь компартия, упивающаяся властью по примеру дворяно-царской власти, зная что только на темноте, бедности и забитости крестьянства она может царствовать и пожинать лавры сытой, разгульной властолюбивой жизни, умышленно всеми своими действиями, неуклонно ведет крестьянство к темноте путем неуплаты жалованья сельским учителям и неопуска средств на содержание школ и школьных пособий; к обнищанию — путем чрезмерных налогов и низких цен на крестьянские продукты, наряду с высокими ценами на предметы, необходимые для крестьян. Но и мы, их рабы-пленники, скрежещем зубами, и неизбежен час расплаты по заслугам. Настанет момент, когда цепи, разобившие крестьянство, лопнут, и единым порывом оно справится со своими поработителями.

Вы, братья, бежавшие за границу, во имя счастья России, во имя всего святого, связанного с Родиной, должны помочь нам в борьбе с коммунистами-варварами нашей общей Родины. Вы должны доказать всем народам, что на нашей Родине не государственная власть, признанная народом, а международная банда убийц-грабителей, которую русский народ ненавидит и всякие сделки этой власти от имени России рассматривает как сделки злодея, прикрываемые именем жертвы, находящейся у него в плену.

Примите решительные меры к посылке в Рос-

сию заграничных книг и газет о коммунистах и о мерах борьбы с ними. Всякое свободное слово о коммунистах нам кажется страшным и в то же время святым словом. Вы не думайте, что мы, крестьяне, притерпелись и примирились с коммунистами. Нет, мы живем мечтою о гибели этих варваров, но после множества попыток вооруженной борьбы с ними, мы оказались разбитыми, разьединенными террором и цепями сыска компартии.

Но и разрозненное крестьянство живет единой мыслью борьбы за лучшую долю, мыслью о полной ликвидации компартии.

Нам чувствуется, что близок час освобождения из-под проклятого ига компартии. Мы верим в светлую зарю свободной России!

Давайте же скорее руку помощи!

Сердечный привет вам — братья изгнанники!

1927 год, 3-го июня.

Писателям мира!

(Воззвание группы русских писателей).

Помещаемое ниже воззвание группы русских писателей к «Писателям мира» было получено «Крестьянской Россией» из России в июне сего года после того, как перед летним перерывом последний номер «Вестника Крестьянской России» вышел в свет, и потому оно появляется на его страницах только теперь.

Немедленно после получения призыва были приняты меры для помещения его как в иностранной, так и русской печати. Мы не имеем полных сведений о том, как широко распространилось воззвание. Печать разных стран по разному отнеслись к нему и если в старой стране свободы — Швейцарии на него откликнулось подавляющее число газет, то были и такие, где воззвание совсем не появилось. Но приходится учитывать технические условия, приходится считаться и с тем, что и в Европе существуют страны, где слово окружено цензурными стенами.

В назначенный срок — 10 июля — воззвание было помещено в ряде французских газет, в австрийских, конечно, и в русских. Можно отметить напечатание его в Польше в газетах: «Polska zbrojna», «Warszawianka», «Dzien Polski», «Epocha», «Warszawski Kurier», «Rzecz pospolita», «Czas Krakowski» и др.; в Болгарии напечатали «Препорец», «Демократически сговор» (с подзаголовком «Свобода в советском раю»), «Знаме», «Слово», «Радикал»; в Сербии — «Политика», «Време», «Београдски дневник», «Правда»; в Чехословакии — «Národní Listy»; в Голландии — «Nieuwe Rotterdamsche Courant»; в Швейцарии — «Journal de Genève», «Courier de Genève», «La Tribune de Genève», «La Suisse», «Neue Züricher Zeitung», «National Zeitung», «Feuille d'Avis de Montreux» и многие другие; из германских поместил выдержки «Vorwärts». Многие газеты сопроводили воззвание своими примечаниями или отметили его появление в статьях.

Таким образом, часть задачи группы русских писателей была осуществлена и если их послание и не явилось каплей, переполняющей чашу человеческого равнодушия, то всё же на какую-то долю эту чашу наполнило.

Голос обреченных молчанием вырвался из-за «трех тюремных стен». Преодоле-ли он четвертую стену — равнодушие и прекраснотушие тех,

кто не хочет видеть и слышать и тех, кто смотрел и не увидел, слушал и не вслушался?

Отправляя воззвание, авторы его не были настроены оптимистично. Они слишком хорошо знали действительность, чтобы быть уверенными в том, что услышавшие, если к ним и дойдет голос из «тюремного подполья», помогут чем нибудь большим, чем простое сочувствие. Но и тому, кто ощущает свою обреченность, нужно утешение, слово «слышу» со стороны свободных, связанных родством духа.

Но настоящего нужного отклика от тех, кто назван «ухом, глазом и совестью мира», мы еще не слышали. Отозвались, конечно, русские. Горькие слова упрека молчащим «прозорливцам» бросили Бунин, Шмелев и др. русские писатели. Но ведь эти не молчали и раньше. Отозвались поляки. Публицисты Видзьб в газете «Эпоха» и Л. Мореткин в «Часе», заговорили о том, что польским писателям, больше чем другим знакомым с насилием над творческим духом, надлежит взять на себя инициативу ответа и «сказать» слово всему миру от имени тех, кто сами называют себя «заживо погребенными».

Мир в свое время отозвался на физический голод русских и помог. Когда же поймет он весь ужас духовной нужды и достойно заклеит тюрьмщиков свободного слова?

ПИСАТЕЛЯМ МИРА!

К вам, писателям мира, обращены наши слова.

Чем объяснить, что вы, прозорливцы, проникающие в глубины души человеческой, в душу эпох и народов, проходите мимо нас, русских, обреченных грызть цѣпи страшной тюрьмы, воздвигнутой слову? Почему вы, воспитанные на творениях также и наших гениев слова, молчите, когда в великой стране идет удешевление великой литературы в ее зрелых плодах и ее зародышах?

Или вы не знаете о нашей тюрьме для слова — о коммунистической цензуре во вторую четверть XX века, о цензуре «социалистического» государства? Боимся, что это так. Но почему же писатели, посетившие Россию — господа Дюгамель, Дюртен и другие — почему они, вернувшись домой, ничего не сообщили о ней? Или их не интересовало положение печати в России? Или они смотрели и не видели, видели и не поняли?.. Нам больно от мысли, что звон казенных бокалов с казенным шампанским, которым угощали в России иностранных писателей, заглушил лязг цепей, надетых на нашу литературу и весь русский народ.

Послушайте, узнайте!

Идеализм, огромное течение русской художественной литературы, считается государственным преступлением. Наши классики этого направления изъеются из всех общедоступных библиотек. Их участь разделяют работы историков и философов, отвергших материалистические взгляды. Набегам особых инструкторов из общих библиотек и книжных магазинов конфискуется вся дореволюционная детская литература и все произведения народного эпоса. Современные писатели, заподозренные в идеализме, лишены не только возможности, но и всякой надежды на возможность издать свои произведения. Сами они, как враги и разрушители современного общественного строя, изгоняются со всех служб и лишаются всякого заработка.

Это первая стена тюрьмы, за которую засажено свободное слово. За ней идет вторая.

Всякая рукопись, идущая в типографию, должна быть предварительно представлена в двух

экземплярах в цензуру. Окончательно отпечатанная, она идет туда снова — для второго чтения и проверки. Бывали случаи, когда отдельные фразы, одно слово и даже одна буква в слове (заглавная буква в слове «Бог»), пропущенные цензором, автором, издателем и корректором, вели при второй цензуре к безжалостной конфискации всего издания.

Аппробации цензора подлежат *все* произведения — даже работы по химии, астрономии, математике. Последующая авторская корректура в них может производиться лишь по особому какому-либо раз согласию цензора. Без него типография не смеет внести в набор ни одной поправки.

Без предварительного разрешения цензора, без специального прошения с гербовыми марками, без долгого ожидания, пока заваденный работой цензор дойдет до клочка бумаги с вашим именем и фамилией, при коммунистической власти нельзя отпечатать даже визитной карточки. Господа Дюгамель, Дюртен могли легко заметить, что даже театральные плакаты с надписью «не курить», «запасный выход» помечены внизу всё той же сакраментальной визой цензуры, разрешающей плакаты к печати.

Есть еще и третья тюремная стена, третья линия проволочных заграждений и волчьих ям.

Для появления частного или общественного издательства требуется специальное разрешение власти. Никому, даже научным издательствам, оно не дается на срок больший 2-х лет. Разрешения даются с трудом, и неказенные издательства — редки. Деятельность каждого из них может протекать только в рамках программы, одобренной цензурой. На полгода вперед издательства обязаны поэтому представлять в цензуру полный список всех произведений, подготовляемых к печати, с подробными биографиями авторов. Вне этого списка, поскольку он утвержден цензурой, издательство не смеет ничего выпускать.

При таких условиях принимается к печати лишь то, что наверняка придется по душе коммунистической цензуре. Печатается лишь то, что не расходится с обязательным для всех коммунистическим мировоззрением. Всё остальное, даже крупное и талантливое, не только не может быть издано, но должно прятаться в тайниках; найденное при обыске, оно грозит арестом, ссылкой и даже расстрелом. Один из лучших государствоведов России — проф. Лазаревский — был расстрелян единственно за свой проект российской конституции, найденный у него при обыске.

Знаете ли вы всё это? Чувствуете ли весь ужас положения, на которое осуждены наш язык, наше слово, наша литература?

Если знаете, если чувствуете, почему молчите вы? Ваш громкий протест против казни Сакко, Ванцетти и других деятелей слова мы слышали, а преследования вплоть до казни лучших русских людей, повинных только в инакомыслии с властью, преследования и казни русских писателей, даже не пропагандирующих своих идей, за полной невозможностью пропаганды, проходят, повидимому, мимо вас. В нашем застенке мы, во всяком случае, не слышали ваших голосов возмущения и вашего обращения к нравственному чувству народов. Почему?

Писатели! Ухо, глаз и совесть мира — откликнитесь! Не вам утверждать «нечест власти, аще не от Бога». Вы не скажете нам жестких слов: всякий народ управляется достойной его властью. Вы знаете: свойства народа и свойства власти в деспотии приходят в соответствие лишь на протяжении эпох; в короткие периоды народной

жизни они могут находиться в трагическом несовпадении. Вспомните годы перед нашей революцией, когда наши общественные организации, органы местного самоуправления, Государственная Дума и даже отдельные министры звали, умоляли власть свернуть с дороги в пропасть. Власть осталась глуха и слепа. Вспомните: кому вы сочувствовали тогда — кучке вокруг Распутина или народу? Кого вы тогда осуждали и кого нравственно поддерживали? Где же вы теперь?

Мы знаем: кроме сочувствия, кроме моральной поддержки принципам и деятелям свободы, кроме морального осуждения жесточайших из деспотий вы ничем не можете помочь ни нам, ни нашему народу. Большого, однако, мы и не ждем. С тем большим напряжением мы хотим от вас возможного: с энергией, всюду, всегда срывайте перед общественным сознанием мира искусную лицемерную маску с того страшного лица, который являет коммунистическая власть в России. Мы сами бессильны сделать это: единственное наше оружие — перо — выбито из наших рук; воздух, которым мы дышим — литература — отнят от нас, мы сами — в тюрьме.

Ваш голос нужен не только нам, в России. Подумайте и о самих себе: с дьявольской энергией, во всей своей величине, видимой только нами, ваши народы толкаются на тот же путь ужасов и крови, на который в роковую минуту своей истории десять лет назад был толкнут наш народ, надорванный войной и политикой дореволюционной власти. Мы познали этот путь на Голгофу народов и предупреждаем вас о нем.

Мы лично гибнем. Близкий свет освобождения еще не брезжит перед нами. Многие из нас уже не в состоянии передать пережитый страшный опыт потомкам. Познайте его, изучите, опишите вы, свободные, чтобы глаза поколений живущих и грядущих были открыты перед ним. Сделайте это — нам легче будет умирать.

Как из тюремного подполья отправляем мы это письмо. С великим риском мы пишем его, с риском для жизни его переправят за границу. Не знаем — достигнет ли оно страниц свободной печати. Но если достигнет, если наш замогильный голос зазвучит среди вас, закликаем вас: вслушайтесь, вчитайтесь, вдумайтесь! Норма поведения нашего великого покойника — Л. Н. Толстого, — крикнувшего в свое время на весь мир «не могу молчать», станет тогда и вашей нормой.

Группа русских писателей.

Май 1927 года.

Россия.

Из писем и встреч.

Приморская область:

...В общих чертах положение рисуется так: нет делений на классы и партии, а есть партийные и беспартийные. Между ними черта, перепахнутая через которую для беспартийного кажется отречением от всего святого. На партийного смотрят, как на жандарма власти. Крестьянское хозяйство крепнет в своей массе, а зажиточные крестьянские хозяйства вывелись, подравнялись со среднячками. Крестьян-бедняков не уменьшилось. Переживают неимоверные налоговые тяготы. Прекрасно сознают, что, кроме как с крестьян, власти не с кого взять средств для существования. Обращают внимание и на несоответствие цен сельско-хозяйственных продуктов с фабрикатами. Первые очень низки, а вторые

высоки. Раньше все сказки-прибаутки и побаски смешного и сального характера говорились про духовенство, а теперь про коммунистов и евреев. Неделю тому назад у меня был красноармеец благовещенского гарнизона. Рассказал несколько народных анекдотов, популярных в Красной армии. Некоторые из них определенная насмешка над техническими успехами СССР, а некоторые насмешка над налоговой системой и финансами. И так это зло и остроумно, что невольно вызывает у слушателей хохот. Приехавший из Приморья крестьянин передает, что власть продает на слов все казармы и военные постройки владивостокского района; тамошние жители объясняют это безденежьем, по моему же здесь кроется политика мирного завоевания японской дипломатии, особенно если принять во внимание продажность слуг власти СССР.

Апрель 1927 г.

...Во Владивостоке и Никольск-Уссурийске аресты. Тюрьмы переполнены и масса арестованных содержится в пакетах на Эгершельде (пристань). Чуть не каждую ночь повторяются расстрелы. Ж.-д. линия от Владивостока до Пограничной усиленно охраняется. В вагонах пассажирских поездов солдаты ГПУ. Впереди поезда моторная дрезина. Происходят непрерывные обыски пассажиров. Обывательская молва, которую видимо поддерживает и ГПУ, объясняет это налетом партизанского отряда на Благовещенск.

...Крестьяне властью недовольны, за все время коммунисты для крестьянства ничего хорошего не сделали. В крае усиленно вводится рисосеяние при помощи труда корейцев, что противоречит развитию важной отрасли сельского хозяйства в крае — скотоводству и усиливает влияние японцев, так как корейцы — японские подданные, и мера эта проводится в согласии с японской политикой мирного завоевания Приморского района. Политически крестьяне развились неузнаваемо, хотя на сходах и съездах докладчиками и ораторами выступают только коммунисты, но и они дают много пищи для размышления; крича о позоре прихвостней буржуазии — демократах и социалистах, они вызывают у крестьян только горькую иронию, потому что факты в корне противоречат коммунистической похвальбе. Есть ненависть к комдиктатуре, есть желание бороться с ней, но нет организационной силы и нет средств для борьбы.

Июнь 1927 г.

...Идут бесконечные аресты по всему Приморью. Положение очень *тревожное*.

С 5 июля ГПУ начало расправу в городах, распространяя ее на крестьян и казаков. Теперь ГПУ свирепствует в селах и станицах. 7 июля в станице Гродеково арестовано 84 человека... В селе Жариково арестовано 40 крестьян и во многих других селах и станицах идут обыски и аресты. Ищали оружие, но ничего не нашли. Аресты производят спешно, не разбираясь с фамилиями и арестованных отправляют во Владивосток и только после нескольких дней, проведенных в подвалах ГПУ, составляя списки арестованных. Во время ареста в Гродеково и Жариково на станции собралось много родственников, с просьбой отпустить арестованных на их поручительство. Однако, никакие просьбы не помогли: всех отправили во Владивосток. В связи с арестами и обысками, вооруженные контрабандисты, среди которых много бывших красноармейцев-дезертиров, на границе объединились в группы. Нередки случаи нападения этих групп на раз-

езды красноармейцев. Слухи о расстрелах наполняют станицы и села ужасом. Участились случаи бегства за границу, в то же время усилилась и кара за переход границы.

30 июля 1927.

Амурская область.

...Я наблюдал жизнь станицы и деревни, расположенной на границе с Китаем, по ту сторону Амура. Народ забытый и запуганный. Одеты и обуты плохо. Я раньше знал этих людей, но теперь от них ничего похожего с прежним не осталось. Они жалки и, говоря с ними, я плакал от досады за них. Они говорят: да когда же Бог избавит нас от этих извергов, ведь хоть живьем ложись в могилу. Но не дай Бог опять гражданской войны — опять пойдут бродить всякие отряды и отбирать скот и хлеб и расстреливать людей. Так что трудно понять кто лучше: красные или белые, теперь хоть расстрелов и арестов стало меньше, и то слава Богу.

В кооперативах нужных товаров нет, а крестьянские продукты скупаются дешево. А переплыть только Амур на китайскую сторону — там всё дешево и всё есть и свое продать можно раза в 2—3 дороже. Например, грибы стоят на русской стороне 20 коп. ведро, а на китайской — 70 коп. Весь грибной сезон наблюдают паломничество через Амур на лодках с грибами на китайскую сторону, рискуя быть арестованными или подстреленными. А удастся благополучно съездить, сделаем пользу для хозяйства: продали дорожке и купили дешевле — ситцу, масла, соли и т. д. Был такой случай: крестьянин нес бутылку масла, а охранник границы прицелился в него из винтовки и наповал его убил. По этому делу не было ни суда, ни следствия. Может быть потому, что убитый крестьянин — брат ранее расстрелянного белогвардейца. Рассказывает женщина: мой муж плыл с той стороны. Его заметили и, не предупредив, стали стрелять и перебили ему руку, после чего вытащили на берег. Лодки все пронумерованы и на учете у охранников. Часто делают обыски без всяких предписаний и церемоний; если хоть на копейку найдут купленного за границей, то налагают штраф в 60 рублей. Охранники все не из местных крестьян, а со стороны. Люди нехорошие, злые и корыстные.

22. VII. 1927 г.

С Урала:

...В командировку на Урал я был снабжен документами, дающими пропуск во все учреждения и отдельные заводы для ознакомления. Но туда, где вырабатываются снаряды для Германии меня не допустили; один управляющий сказал мне, что несмотря на мои документы, он допустить меня не может, так как на этот предмет есть особое предписание. Присутствовал я на заседании специалистов, где наблюдал довольно смелую критику действий ответственных работников, но когда голосовались предложения, внесенные ответственными работниками, то «против» и воздержавшихся не было, несмотря на неприкрытые противоречия при рассмотрении вопроса. У меня осталось тяжелое впечатление от положения людей техники. Безработица большая. Обеспеченность работающих малая.

Черноморская область:

...Письмо Ваше я получил во время, но не мог ответить на него своевременно, потому что у нас была «чистка» на службе, что заставило меня

из соображений осторожности прекратить на время всякую переписку с кем бы то ни было. Я продолжаю жить той же тяжелой жизнью, как и жил. Служу я сейчас в... и получаю жалованья 80 рублей и больше ничего. Дни мои протекают до 3-х на службе, затем обед, затем сон, а с 6 до 1 часа ночи опять работа. Вот так я работаю по 12 часов в сутки, разумеется, не зная никаких «дней отдыха». Слов громких много, а на деле эксплуатация чертовская. Кто-то живет, разряжает своих жен в лак и шелк, ну а наш удел — работа и работа. Доволен я отчасти только тем, что работаю я в организации общественной для крестьян и среди крестьян, которые меня знают и которых я знаю...

Чистка здесь была отчаянная, и с точки зрения моей, совершенно беспристрастной, довольно глупая. Вычистили 100 человек, а в результате фактически уволенных оказались единицы, да и то, таких, о которых жалеть не приходится, как совершенно никчемных людей. Настоящие работники все сидят на своих местах, независимо от своего происхождения, по настоянию самих же партийных руководителей учреждений.

Беспартийная районная конференция высказалась очень враждебно против «чисток» Вообще крестьяне молодцы, чувствуют себя хозяевами положения, не то что интеллигенты: и в разговорах и в критике не стесняются...

Март 1927 г.

Из заграничной жизни.

Единый антибольшевистский фронт.

Кто сеет ветер, тот пожнет бурю... Большевики в полной мере испытали правильность этого изречения. В продолжении ряда лет они твердили о едином антисоветском фронте буржуазии и империалистов всего мира, хотя сами отлично знали, что никакого такого фронта в действительности не существует; в противном случае работа III-го интернационала была бы давным давно ликвидирована. Однако, теперь положение резко изменилось, и антисоветский фронт растет весьма успешно, распространяясь по всему миру и захватывая не только одних «буржуев и империалистов». Формальным поводом к образованию этого фронта явился разрыв дипломатических сношений между СССР и Англией; истинные его причины лежат гораздо глубже. По существу обыск в Аркосе не обнаружил ничего такого, чего бы не было известно всем, кому сие ведать надлежит. Он явился поводом, а не причиной того почти единодушного взрыва негодования, который пронесся по всему миру. Причина лежала глубже; она заключалась во всё накапливающимся раздражении правительств и народов постоянным вмешательством Москвы в их внутренние дела. Англичане показали пример, и раздражение прорвалось. «Молчание заговорили», и то, что они говорят, большевики слушают без всякого удовольствия, ибо понимают, что за «фронт-ом слов» может воспоследовать и «фронт-дел».

Характерно, что застрельщиками этого морального фронта явились не англичане, а американцы. Его начало датируется знаменитой отныне речью американского посла в Париже Мирона Геррика, в которой советское правительство называлось «бандой людей, захвативших власть над добрым и даровитым народом», а советский режим «экспериментом, который до сих пор представляется человечеству более тираническим, чем старые деспотии». «Все в мире понимают», говорил посол, «что руководители советского режима не уполномочены говорить от имени великого русского народа». В заключение Геррик заявил, что американцы ни в коем случае не допустят проникновения большевизма в свою страну. В тот же день (30 мая) сам президент Соед. Штатов выступил с весьма недвусмысленным предостережением по адресу людей «совершающих преступления против существующего порядка». В Вашингтонских политических кругах речь прези-

дента поставили в связь с опубликованными в английской «Белой книге» данными о деятельности советских агентов в Соединенных Штатах. Речь Геррика имела шумный успех во Франции. И Кулидж и Геррик знали, что они говорили. Спустя три недели сотруднику «Таймс» заявляли в Вашингтоне, что точка зрения северо-американского правительства на «советскую проблему» остается неизменной: нормальные отношения с СССР также невозможны в 1927 году, как они были невозможны в 1918 году. Американцы выразили удовольствие, что эту простую истину начинают понимать в Европе и в Азии. «Единственной разумной политикой по отношению к советской России», говорили английскому корреспонденту люди, стоящие у руля политической жизни Штатов, «было бы открытое заявление русскому народу о том, что цели и приемы его нынешних правителей делают невозможными нормальные отношения с другими странами».

В Америке так думают не только правительственные круги, но и рабочие. Так Американская Федерация труда заявляет: «Советские правители, властвующие при помощи насилия, равнодушны к благу России и видят в ней лишь источник средств для поддержания существования III-го интернационала... Самая опасная разрушительная сила на свете — советская власть — остается для нас постоянной угрозой».

Совершенно очевидно, что образованию «морального фронта» помогли сами большевики. До казни 20-ти тон европейской печати не был враждебен по отношению к советскому правительству, многие газеты сочувствовали «невинно пострадавшим». Казнь 20-ти вызвала в Европе волну негодования. Вот что писала французская печать: «Подобные методы вызывают против СССР общее негодование всего цивилизованного мира» («Пти Паризнен»), «большевики поставили себя вне закона человеческого» («Голуа»), «возможно-ли поддерживать сношения с властью, которая не знает другого закона, кроме силы, служащей грабежу и преступлению, другой страсти, кроме смуты и крови?» («Тан»).

В Англии «Таймс» писал: «Акт мести... призывает презрение во всех цивилизованных странах», «Дэйли-Мейль» — «казни вызвали негодование во всем цивилизованном мире», «Морнинг Пост» — «убийства в Москве окончательно убедили тех, кто сомневался в целесообразности высылки советской миссии», «Дэйли-Хроникл» назвало большевистскую систему «варварской»; аналогичные суждения (за исключением рабочего

«Дэйли Геральд») высказали и все остальные английские газеты.

Казнь 20-ти переполнила чашу терпения даже немецкой печати, в общем весьма благосклонной к советскому правительству. Коммунистическое «Роте Фане» справедливо заметило: «наконец-то образовался единый фронт буржуазной цивилизации, во имя нравственности и человечности, против советской республики». И, действительно, правая «Дейтше Цейтунг», утверждающая, что «в Европе нашлось неизвестное до сих пор племя негров, в обычаи которого входят людоедство, рабовладельчество и разбой — мы говорим, понятно, не о русском народе, а о его нынешних властителях и кровавых палачах» — сошлась с с.-д. «Форвартс», назвавшей советскую Россию «варварским государством». «Крейтц-Цейтунг», определенно поддерживающая большевиков, заговорила о «московской резне, укрепляющей антисоветский фронт, а «Локаль-Анцейгер» с тревогой отметила, что «симпатии мира все более и более будут переходить на сторону английского правительства, которое может оправдать свое выступление против советов не только собственными интересами, но и высшими моральными соображениями. Обычно советофильский «Бэрээн-Курьер» прямо писал, что «русская политика делается палачами», а «Фоссише Цейтунг» горько сожалела, что «советская власть сразу потеряла весь свой моральный престиж». Это мнение было поддержано «Кёльнше Цейтунг», предупреждавшей об «усиленном моральном наступлении против СССР».

В Чехословакии орган крупнейшей земледельческой партии «Венков» осудил казни с необычайной резкостью, официальная «Чехословенская Республика» констатировала возврат к террору и указала, что он является признаком слабости и боязни, орган клерикалов «Лидове Листы» заметил, что «мир видит азиатских преступников в их истинном виде», а «Нар. Листы» (орган Крамаржа) спрашивали: «стерпит ли культурный мир большевицкое варварство?».

В Испании «Эль Империяль» призывал «всех людей чести и совести заклеить варварство большевиков», «Эль Дебате» предсказывал образование в ближайшем будущем «мощного антибольшевицкого блока»; — эти газеты были поддержаны всей испанской печатью.

Из швейцарской печати, единодушной по резкому осуждению большевиков, заслуживает внимания мнение «Газет-де-Лозанн»: «последние события показали большевиков в их истинном свете. И если мы должны оплакивать трагическую судьбу жертв отвратительного террора, то в то же время мы не жалеем, что нанесен удар опасной иллюзии об эволюции большевизма».

Можно было бы привести сотни аналогичных выдержек из американской, итальянской, польской и скандинавской печати. Французская Лига Прав Человека «с возмущением протестовала против варварских методов советского правительства», такую же резолюцию вынес и германский отдел Лиги, а Международный Комитет Обществ Красного Креста «настойчиво просил советскую власть не принимать мер, оскорбляющих разум и справедливость». Большевики, конечно, не обратили внимания на буржуазные раз и справедливость, но им очень неудобно игнорировать пролетарскую справедливость, и протест английских тред-юнионов и английской рабочей партии был для них самым тяжким ударом. Москва возлагала большие надежды на то, что тред-юнионы начнут энергичную кампанию против антисовет-

ской политики Балдвина и для этой цели потребовала созыва «Англо-русского Комитета», куда входят представители английских и советских профессиональных союзов. Англичане не выразили ни малейшего желания разговаривать с Томским и его коллегами и согласились на свидание лишь после долгих настояний большевиков. Результаты свидания были печальны: просьбу Томского о «поддержке» генеральный совет тред-юнионов передал в комиссию, а вместо поддержки вынес резолюцию протеста против казней неповинных лиц. Протест этот был поддержан и рабочей партией и целым рядом «друзей Москвы», вроде пресловутого Лэнсбери, когда-то получившего от советского правительства 70.000 фунтов. С тех пор отношения между советскими профсоюзами и тред-юнионами всё обострялись. На Парижском съезде Амстердамского Интернационала английская делегация с Перселем во главе еще стояла за поддержание сношений с большевиками и на этой почве поссорилась со всеми континентальными делегациями, торжественно проваливших Перселя на выборах. Неизвестно как бы отнесся к этому Эдинбургский конгресс тред-юнионов, но тут уже постарались сами большевики, приславшие конгрессу грубейшую «приветственную» телеграмму. Генеральный совет не выдержал и предложил конгрессу прервать сношения с советскими профессиональными союзами, что и было принято. Рабочий лидер Клайнс заявил по поводу разрыва, что если можно чему-либо удивляться в этом вопросе, то только тому, что это не было сделано раньше.

По сравнению с голосом английских рабочих, мнение английских фашистов для Москвы, на первый взгляд, не имеет значения; его важность становится очевидной, если вспомнить, что советское правительство возлагает большие, хотя и малообоснованные, надежды на итальянские кредиты. Директория фашистской партии заявила 4 июля в ответ на манифест Коминтерна, что «единственной страной, угрожающей европейскому и мировому равновесию является именно Россия III-го интернационала..., открыто заявляющего о своем намерении насадить штыками во всем мире социалистическо-коммунистическую тиранию». Деятели Коминтерна являются в представлении фашистов «профессиональными шарлатанами..., которые под призраком глупой идеологии мучают терпеливый и великодушный народ..., которые возвели здание своей диктатуры на горах трупов..., которые разогнали по всему миру людей, всё преступление которых состоит в том, что они являются русскими патриотами». Далее воззвание говорит о «полной неудаче внешней политики СССР», «о внутреннем кризисе советского режима, проявляющемся с необычайной резкостью».

Столь же нелестную оценку советское правительство нашло и в Швейцарии. Появление большевицкой делегации в Женеве произвело на швейцарцев крайне неблагоприятное впечатление. Двукратные заверения Президента Федерального Совета о том, что никто и не помышляет возобновлять дипломатических сношений с Москвой, не успокоили взволнованных депутатов (особенно западных, французских кантонов), выступивших в Национальном Совете с резкими речами против большевиков. Депутат Перье заявил, что даже ради Лиги Наций советских агентов нельзя было пускать в Швейцарию, так как «Лига Наций слаба и ей недостает чувства нравственного достоинства». Другой депутат — Де-Дардель — высказывал убеждение, что «берлинское соглашение (о

допущении советской экономической делегации в Женеву) нанесло урон нашему национальному достоинству». Президент Федерального Совета защищал берлинское соглашение аргументами не слишком лестными для большевиков. «Любопытно было видеть», говорил Мотта, «как представители московской власти излагали при дневном свете свои химерические теории и убедиться в том, что они не отказались от своей основной идеи — зажечь и в других странах пожар революции». Что же касается признания, то «мы не забыли, как миссия Берзина весной 1918 г. дала нам торжественные обещания, которые нарушила осенью того же года, чем хвастался сам ее руководитель, — как при таких условиях Федеральный Совет может помыслить о том, чтобы признать де-юре советскую власть».

Вопрос о «моральном фронте» против СССР был поставлен на совещаниях шести держав во время сессии Совета Лиги Наций. И до совещаний и после них со всех сторон (кроме большевицкой) сыпались заявления, что никакой анти-советской коалиции не существует. Формально это верно, коалиции нет, да при настоящих условиях и быть не может, но единый фронт тем не менее образовался, выразившись в том, что все державы, включая сюда и Германию, признали себя противопоставленными советской России. Между СССР и остальным миром существует принципиальное различие, заключающееся в том, что московское правительство не желает отказать от вмешательства во внутренние дела других государств. Такое положение признано недопустимым, — даже Штресман считал возможным заявить журналистам: «Совершенно необходимо, чтобы агитационная деятельность III интернационала в других странах была бы совершенно прекращена». Чтобы не обострять положения, державы даже не договорились — по крайней мере официально — о том, как бороться с Коминтерном и, само собой разумеется, отказались от опубликования какой-либо декларации. И тем не менее нельзя не верить осторожной, осведомленной и опять таки дружественной советам «Франкфуртер Цейтунг», утверждающей: «Теперь моральный единый фронт уже существует. Быть может лишь временно, но он налицо. Долго ли он продлится и не создастся ли из него политический единый фронт?».

Практические последствия морального фронта уже сказываются. Прежде всего советские векселя больше не учитываются лондонскими банками, и вся внешняя торговля СССР ставится под весьма серьезную угрозу. Чехия и Югославия, собиравшиеся уже было признать СССР де-юре, конечно, отказались от этого намерения. Шедшие доселе весьма успешно советско-эстонские и советско-персидские переговоры стали испытывать «неожиданные затруднения». Начались и международные соглашения о мерах борьбы с коммунистической опасностью. Конференция подобного рода происходила между представителями соответствующих ведомств Испании и Португалии. Аресты коммунистов в Португалии, произведенные по указаниям испанской полиции, показывают, что конференция дала вполне реальные результаты. Вторая конференция имела место на Балканах. Упорно говорят о более серьезном объединении всех балканских государств «против коминтерна».

Совершенно оглушительный афронт большевики потерпели в Китае, где еще недавно они чувствовали себя господами положения. Теперь все китайские партии и все китайские генералы

наперерыв отрешиваются от коммунистических союзников, как от своих собственных, так и от присланных из Москвы. Здесь «моральный» фронт весьма быстро превратился в «материальный»: телеграммы из Китая пестрят сообщениями об арестах и казнях коммунистов. Не менее энергично расправляются с коммунистами в Японии. Теперешнее правительство Танака определенно заявило, что считает коммунизм гибельным для Азии и не остановится ни перед какими мерами борьбы с ним. Японский посланник в Москве уже протестовал против коммунистической агитации в Японии и Корее. От слов японцы перешли к действиям и усиленно укрепляются в Манджурии и негласно покровительствуют анти-советскому движению в Монголии.

Коммунистические беспорядки на Яве побудили голландское правительство произвести многочисленные аресты среди коммунистов в самой Голландии и в колониях. Голландцы великолепно знают откуда направляются эти беспорядки, так как советские радио-станции на Дальнем Востоке ведут на малайском языке пропаганду среди туземцев Нидерландской Индии.

Борьба с коммунизмом начата и в Южной Америке. Боливийский министр иностранных дел заявил в парламенте, что располагает документами, устанавливающими участие агентов советского правительства в последних волнениях среди индейцев. В Бразилии приняты законы против коммунистов. В Чили, по распоряжению президента республики, местные коммунисты были собраны и отправлены на уединенный остров в Тихом Океане с правом устройства там независимого государства по своему усмотрению. Вскоре все коммунистические Робинзоны заявили, что отказываются от своих убеждений.

Весьма испортились отношения между СССР и Австрией — особенно после того, как выяснилось, что советский полпред в Вене, Берзин был причастен к июньским беспорядкам в австрийской столице. В результате соответствующих представлений австрийского правительства Берзину пришлось покинуть свой пост «по болезни».

Убийство Трайкевича в варшавском полпредстве дало возможность польской печати в необычайно резких выражениях высказать что она думает о большевиках. То, что писалось в эти дни в Варшаве по адресу полпредства, было поистине неслыханным.

Литовские настроения характеризуются статьей официозной газеты «Литувис» (15. 8), с восторгом приветствовавшей слух о создании международной лиги борьбы с большевизмом.

Во Франции идет планомерная и серьезная кампания за полный разрыв с советской Россией. О ее значительности свидетельствуют имена участников и вдохновителей: лидеры правой фракции палаты Тетанже, Дежарден, Мажино, Сулье, бывший президент республики Мильеран, редактор «Матэн» — Стефан Лозанн, журналисты Эрве и Эмиль Бюрэ, сенатор Де-Виллен, академики Анри Бордо и Ганато (бывший министр иностранных дел), редактор «Ревю де Франс» Рэмон Рэкули и ряд других. Французы крайне раздражены коммунистической агитацией в армии и попутно убедились, что из франко-советских переговоров о долгах всё равно ничего не выйдет. Такова точка зрения не только Пуанкаре, но даже Эррио и самого де-Монзи. Антисоветская кампания испытывает яростное сопротивление со стороны могущественной социалистической партии и части радикалов, но и среди социалистов

имеются люди типа Рэнодэля, великолепно понимающие большевиков.

Большое впечатление произвели разоблачения «Матэн» о роли советских полпредов, парижского и берлинского, в восстании в Марокко. Всё усиливающаяся работа коммунистов во французской армии и флоте побудила министра внутренних дел Сарро выступить с недвусмысленными заявлениями по адресу советского правительства. Волна беспорядков, пронесшаяся по Франции в связи с делом Сакко-Ванцетти, которым воспользовались коммунисты, еще больше раздражила французов. Начались высылки советских агентов, и вскоре за корреспондентом «Тассэ» Бруном из Франции были высланы проф. Лукьянов и пр. лидеры «сменовеховских» и «возвращенских» союзов. Чашу терпения переполнил сам полпред Раковский, подписавший воззвание к международному пролетариату — в случае войны с СССР изменять своей стране и дезертировать в ряды красной армии. По существу, в этом поступке полпреда нет ничего противоречащего советским нравам и обычаям, на что справедливо указывала «Правда», — но всё же ему придется покинуть Париж. Делом Раковского воспользовалась французская печать, требующая открытого разрыва с советским союзом. По своему обыкновению советское правительство пытается исправить дело обещаниями концессий, уплатой долгов и других соблазнов, но, к несчастью для них, в Европе уже плохо верят обещаниям из Москвы.

Всё возрастающее раздражение против советских методов, охватывающее континент за континентом, большевики с маниакальным упорством пытаются объяснить поисками «коварного Альбиона». Советские газеты усиленно разоблачают планы «английских империалистов» — Черчилля, лорда Биркенхеда, министра колоний Эмери, министра внутренних дел Гикса, тов. министра иностранных дел Тирреля и других крупных политиков Великобритании. Все эти лица несколько не скрывают своей вражды к советам, и организатор кампании «долгой красных» депутат парламента Локер-Лампсон даже начал объезд других стран с целью антибольшевизской агитации. От разговоров до прямых действий — дистанция большого размера, и к советским воплям надо отнестись спокойно, но несомненно, что советское правительство, исключительно благодаря своим талантам, нажило в лице Англии смертельного врага и, рано или поздно, почувствует весьма материальные последствия морального фронта.

Вл. Татаринов.

Судьба частной собственности в земельных реформах по-военной Европы.

3. Ограничения земельного оборота¹⁾.

Ограничения наделенных земель в их праве распоряжения землей могут быть сведены в три группы: 1) Право преимущественной покупки земель государством; 2) установление высшей и низшей границ для земельных владений одного хозяйства; 3) разрешительный порядок для залога, аренды и продажи земель²⁾.

¹⁾ См. статьи в №№ 10 и 11 «Вестника Крестьянской России».

²⁾ Некоторые из законов в определенных случаях вмешиваются и в наследование наделенных земель. За недостатком места здесь опускаются ограничения этого рода.

Эти ограничения можно проследить по 13 законам о земельной реформе, действующим в 12 государствах³⁾. В шести законах объявлена лишь одна из этих ограничительных мер, в шести принято сочетание из двух видов ограничений, в одном законе — все три вида ограничений⁴⁾.

О применении права преимущественной покупки земель государством было сказано в предыдущей статье. Перейдем поэтому к двум дальнейшим мерам.

Накопление земли в одних руках ограничено в пяти законах. По ним предельная земельная площадь равняется: в Бессарабии 25 гектарам, в Латвии 50 гект., в Эстонии 75 гект., в Старой Румынии 100 гект.⁵⁾, в Литве 150 гект.

По 4-м первым законам ограничение относится только к землям, наделенным при проведении земельной реформы; в Литве ограничение распространяется на все земли. Предел для накопления земель в одних руках установлен также для «неделимых участков» в Чехословакии (удвоение участка нормальных размеров) и для «семейных имений» в Венгрии (удвоение нормального участка).

Дробление производственных участков⁶⁾, полученных при реформе, совершенно запрещено в Австрии, Греции и Польше; в двух первых запрещено бессрочно; в Польше по последнему закону запрещение действительно только до уплаты долга, лежащего на земле⁷⁾. Дробление допускается, но лишь до известных пределов, в Латвии (до 10 гектаров), Литве (до 8 гектаров), в Эстонии (предел дробления мне неизвестен) и в Старой Румынии (до 2 гектаров в равнинах и до 1 гектара в горах и холмах). В 4-х из этих 7-ми случаев (в трех первых и в последнем) ограничение дробления относится к наделенным землям⁸⁾, в 3-х остальных случаях — повидимому, ко всем землям... Недробимыми являются также «неделимые участки» в Чехословакии и «семейные имения» в Венгрии; неделимыми при переходе по наследству могут быть, по желанию собственника,

³⁾ Помимо России, в это число не включена и Югославия, ибо в ней до сих пор нет ни одного закона (в точном смысле этого слова) о земельной реформе, и земельно-правовые отношения здесь характерны своей неопределенностью. Земельный оборот, однако, ограничен и здесь: временные правила совершенно запрещают продажу и залог наделенных земель — впрямь до издания «дополнительных законов». По Румынии во внимание приняты два закона — действующий в Старом Королевстве и действующий в Бессарабии.

⁴⁾ Исключительно первой мерой (право преимущественной покупки земель государством) не довольствуется ни один закон: исключительную вторую меру (ограничение максимума и минимума) принимает законодательство Латвии: одной третьей мерой (разрешительная система при закладе, аренде и продаже) ограничиваются Австрия, Болгария, Венгрия, Финляндия и Чехословакия. Комбинация из двух первых мер принята в Бессарабии и Эстонии; комбинация из первой и третьей меры встречается только в Польше, по ее последнему закону, и в Германии; комбинация из второй и третьей меры имеется в Греции и в Старой Румынии. Все три вида ограничений применяются только в Литве.

⁵⁾ Это — максимум для крестьянского землевладения в равнинных районах; в гористых и холмистых участках земельная площадь одного хозяйства не может превышать 25 гектаров.

⁶⁾ В земельном законодательстве по-военной Европы выделяется три вида земельных участков, идущих в наделение: производственные, потребительские, строительные. Здесь речь идет об участках первого вида.

⁷⁾ По предыдущему закону 15. 7. 1920 года запрещение действовало «не меньше 25 лет».

⁸⁾ В Польше органам зем. реформы (по старому и новому законам) принадлежит право распространить требование недробимости и на прежнюю землю тех крестьян, которые воспользовались реформой для увеличения своей земельной площади.

объявлены земельные участки размером до 50 гектаров в Старой Румынии.

Разрешительный (или запретительный) порядок в отношении залога, аренды и продажи участков введен в следующих странах и на следующий срок⁹⁾:

	Залог	Аренда	Продажа
Австрия . . .	50	50	50
Болгария . . .	запрщ. 20	свобод.	запрщ. 20
Венгрия . . .	10	свобод.	10
Греция . . .	свобод.	до уплаты	до уплаты
Латвия . . .	свобод.	свобод.	запрщ. 10 ¹⁰⁾
Литва . . .	10	10	10
Польша . . .	до уплаты	до уплаты	до уплаты
Ст. Румыния .	свобод. ¹¹⁾	свобод.	свобод. ¹²⁾
Бессарабия .	свобод.	до уплаты	до уплаты
Финляндия .	свобод.	20	свобод.
Эстония . . .	свобод.	свобод.	свобод.

Разрешительный порядок при аренде, продаже и залоге наделенных земель установлен в Чехословакии, причем здесь, в противоположность остальным государствам, он — бессрочен. В течении 10 первых лет разрешение на продажу и аренду земли дается лишь в исключительных случаях (например, болезнь хозяина); после 10 лет разрешение дается во всех случаях, когда аренда и продажа наделенных земель органами реформы будут признаны целесообразными.

Таким образом, среди 12 законов шесть допускают свободный залог, пять — свободную аренду и только три — свободную продажу. Чем важнее для сохранения нового земельного уклада операция по распоряжению землей, тем чаще законодатель делает ее связанной и реже свободной.

Все данные таблицы, равно как и ограничения земельного оборота в Чехословакии, относятся к землям, наделенным при проведении реформы. Исключение составляет лишь Болгария, в которой запрещение залога и продажи в течении 20 лет распространяется и на прежние земли, наделенные при реформе, да еще Польша, в которой органы реформы при наделении земель имеют право в некоторых случаях устанавливать одинаковые ограничения в праве распоряжения, как для прежнего, так и для нового землевладения крестьян.

4. Заключение.

Ограничения новых собственников земли при беглом и одновременном обзоре их по всем странам способны создать впечатление большой пестроты и крайней изменчивости.

Пределы, в которых колеблется общая сумма ограничений, чрезвычайно широки. На одной стороне здесь находится Германия. По общеперскому закону 11. 8. 1919 года ограничения новых владельцев земель в ней выражается лишь в праве

обратной покупки земельного участка, «если поселевец его целиком или частично отчуждил или покинул, если он на нем не поселился и не хозяйничает». На другой стороне находится, например, Австрия, где получивший землю «должен целесообразно и тщательно обрабатывать ее, содержать в порядке жилые и хозяйственные постройки; страховать их от огня; как правило, жить в своем хозяйстве и для производства изменений, выходящих за пределы регулярного ведения хозяйства, обязан запрашивать окружное (Bezirk) земельное управление»; полученный участок в Австрии «в течении 50 лет не может быть ни отчужден, ни сдан в пользование, ни сдан в аренду без разрешения Областного (Land) земельного управления¹³⁾».

Сильно меняются приемы, с помощью которых законодатель хочет регулировать отношения к земле ее новых держателей. Меры начинаются правом государства на преимущественную покупку, применение которого почти не затрагивает новых собственников, а кончаются они постоянным и мелочным вмешательством органов государства во все хозяйственные поступки нового держателя земли, как это имеет место в Австрии и в Старой Румынии, в которой центральный орган реформы может издавать предписания «относительно хозяйственного плана, создания сельскохозяйственных предприятий и организаций, имеющих целью повести крестьян по пути рационализации и интенсификации их хозяйств, улучшения быта продуктов и улучшения пород скота¹⁴⁾».

Пестры и колеблются в весьма широких границах «кары», которыми грозит закон за нарушение предписываемых им норм. В Австрии нарушителя закона могут наказать отобранием земли и тюрьмой до 6 месяцев, а в Латвии за продажу полученной земли в течении первых 10 лет закон грозит лишь тем, что продавшему земля не будет наделена вновь.

Различны земли, на которые законодатель распространяет свои ограничительные требования. Обычно это земли, переданные в новые руки при проведении реформы, но в Болгарии крестьяне в течении 20 лет не могут продавать и закладывать не только новые земли, но и свои прежние. Решением органов земельной реформы под ограничения, установленные для наделенных земель, могут быть подведены прежние земли и в Польше.

Широко колеблются, наконец, сроки, в течении которых действуют ограничения. Одни из них бессрочны и, следовательно, в идее вечны, другие — срочны, причем их длительность колеблется от 5 лет (Старая Румыния) до 50 лет (Австрия).

Картина, действительно, пестра и переменчива, но она вовсе не хаотична. В ней есть черты несомненного единства и довольно стойкого постоянства.

Постоянством обладает, прежде всего, самый принцип государственного вмешательства в отношения владельца к его земле. Постоянство тут абсолютное, так как среди 13-ти государств (все, исключая Россию), проводящих аграрную реформу радикального типа, нет ни одного, которое в той или иной форме и объеме не применяло бы ограничений. Во всем огромном районе аграрных

⁹⁾ Одни цифры, а также слова «до уплаты» (долга) обозначают в таблице срок, в течении которого надо испрашивать разрешение органов реформы; цифры со словом «запрщ.» обозначают срок, в течении которого заклад, аренда и продажа совершенно воспрещены; словом «свобод» обозначает отсутствие запретений и, следовательно, ненужность разрешения.

¹⁰⁾ Запрещение продажи земель в Латвии, существующее по закону, на практике является недействительным, ибо наказание за нарушение закона не в состоянии помешать нарушению: за продажу наделенной земли в течении 10 первых лет, закон грозит лишь тем, что продавшему земля не будет наделена вновь.

¹¹⁾ Закладываться земли может только в кредитных учреждениях, укаванных государственной властью. Это — тоже ограничение в праве распоряжения землей.

¹²⁾ До выплаты стоимости земли, участки могут продаваться лишь цесиком.

¹³⁾ Еще более суровы и мелочны требования закона в отношении чехословацких «неделимых участков». Я опускаю этот пример, так как разделы закона о «неделях» в действительном ходе реформы оказались без всякого значения.

¹⁴⁾ Текст закона позволяет думать, что эти чрезмерные претензии румынского законодателя на руководство крестьянским хозяйством относятся не только к наделенным землям, но и к прежним земельным владениям крестьян.

реформ, несмотря на его бесконечное разнообразие в разных отношениях, *всюду новая земельная собственность является ограниченной*.

Вторым проявлением постоянства является то, что ограничения вводятся законодателем в порядке организации им общественной (народно-хозяйственной) жизни в своей стране, а не только и не столько в порядке охраны интересов государства, как кредитора или поручителя по кредиту. Законодатель, правда, иногда и сам дает повод толковать эти ограничения во втором смысле, связывая их с государственным кредитованием. Стоит, однако, внимательно просмотреть ограничительные нормы, чтобы увидеть или ложность или недостаточность этого ограничения¹⁵. Ограничения (во всем объеме или частично), являются мерами публичного порядка, а не частно-правового. Законодатель стремится улучшить или укрепить ими тот земельный строй, который он создает, а не только и не столько обеспечить частно-имущественные интересы государства.

Третьим, столь же стойким, как два первые, постоянством является та область в отношениях новых собственников к своим землям, которую законодатель делает неизменным предметом своего внимания и полем приложения своих ограничительных норм. Во всех 13-ти государствах эта область — земельный оборот. Ограничения оборота являются ограничениями в праве распоряжения землей.

Вмешивается государство и во второе важнейшее слагаемое права собственности — в право пользования землей. Это вмешательство, как мы видели, менее действительно и более редко, чем регулирование права распоряжения. Случайным, однако, не является и оно, проявляясь в отношении не только наделенных земель, но и отчужденных. Вмешательство государства в использование земель является четвертой важной чертой, легкой на лицо старого института частной земельной собственности.

Совокупность всех этих новых черт позволяет нам уверенно выдвинуть положение, по которому институт личной земельной собственности в результате земельных реформ потерпел в по-военной Европе крупное преобразование. Одержав беспорную и яркую победу в борьбе с социалистическими стремлениями, он одновременно понес крупные

потери. В результате земельных реформ переменились не только собственники, но и самая собственность. Из свободной она превратилась в связанную, из неограниченной — в ограниченную, из безусловной — в условную. Наряду с расчетом и волей хозяйствующих на земле одинок, четко определились расчеты и воля общества, представляемого государством и заинтересованного, как в использовании земель, так и в перемещении их. Перед нами, как бы соучастие государства в праве собственности на землю.

Вмешательство государства в право распоряжения и право пользования распространяется, по общему правилу, лишь на земли, прошедшие через реформу. Земли, не попавшие в оборот реформ, остаются под прежним правовым режимом.

В странах, проводящих аграрные реформы, для земли создается, таким образом, два разных правовых режима — одна часть земель находится под режимом свободной частной собственности, другая — под режимом той же частной собственности, но регулируемой и потому ограниченной. Положение не новое: пестрота аграрно-правовых отношений встречается почти во все времена и почти у всех народов. Связанная земельная собственность до самого последнего времени была широко распространена среди земельной аристократии (минораты, майораты и вообще фидей-комиссы). Остается она и теперь, хотя по-военное аграрное законодательство Европы заняло в отношении к ней враждебную позицию. Общественная задача этого вида собственности заключалась в охране земельной аристократии от обеднения и упадка. Теперь эти ограничения с крупного капиталистического землевладения перешли на мелкое и трудовое. Задача их остается подобной прежней: они должны теперь также охранять мелкое землевладение и крестьянство, как прежде охраняли крупное землевладение и аристократию. В этом сказывается то новое и повышенное значение, которое в общественной жизни и мысли по-военной Европы получило крестьянство.

Сергей Маслов.

Болгарский Народный Земледельческий Союз.

«Крестьянская Россия», с момента своего появления заграницей, с живым интересом следила за жизнью Болгарского Земледельческого Союза, как за родственной политической организацией. Эта родственность не позволяла нам закрыть глаза на идеологические и тактические ошибки Союза и замалчивать их перед другими. Оценка, данная нами деятельности Союза*) в период его пребывания у власти, хотя вызванная исключительно желанием уяснить себе и другим причины крушения Союза, как правящей партии, была встречена частью деятелей Союза враждебно. Мы предпочли тогда разойтись с этими деятелями, но не сказать до конца наши сомнения и опасения.

Наш интерес к Союзу остается и сейчас. Удовлетворяя его, мы помещаем ниже две статьи о нем. Одна принадлежит члену и деятелю Союза, г. Петко Петкову-Балканскому, другая — является выдержкой из письма к нам депутата Народного Собрания, г. Харизанова, наблюдающего и оценивающего Союз со стороны. Повторяем, мы в данном случае не становимся на сторону ни того

*) См. сборник «Крестьянская Россия», № 5-6, статья А. Омелянова «Болгарский опыт».

¹⁵ О связи ограничений с выкупом за землю говорится в трех законах — в греческом (№ 2052), польском (15. 7. 1920 года) и бессарабском. Однако, греческий закон предъявляет к наделенным землем, между прочим, требования ее личной обработки и ее недремосности. Оба эти требования беспорочны, и уже по этому одному они находятся вне зависимости от долгов на землю, которые в Греции и Польше... Бессарабский закон запрещает «отчуждение, дарение в какой бы то ни было форме до полного погашения долга за землю». Однако, и после погашения долга, наделенную землю в Бессарабии можно продавать только лично обрабатывающим ее и только тем, у которых земельная площадь не превышает 25 гектаров. Ясно, что оба эти требования закона ни в какой связи с долгом за землю, очевидно, не находятся... Польский закон от 15. 7. 1920 года также связывал с долгом за землю ограничения в отношении дробления земельных участков, их заклада, аренды и продажи, но вслед за тем закон прибавлял, что эти ограничения действуют «во всяком случае, в течение 25 лет». Другими словами, ограничения оставались действительными в течение 25 лет и в том случае, если выкуп за землю был уже уплачен. Задолженность и здесь не являлась достаточным объяснением ограничений. Только по новому, самому последнему польскому закону (от 28. 12. 1925 г.) ограничения оборота наделенных земель поставлены в прямую и исключительную зависимость от долгов за землю. Однако, закон вводит новое, прежде отсутствовавшее требование в отношении использования земель и ни в какую связь с долгом, лежащим на земле, он это требование не ставит.

ни другого мнения, оставляя за собою право вернуться к этому вопросу в будущем.

I.

9 июня 1923 года правительство Стамболийского было свергнуто. Причины падения правительства Болгарского Земледельческого Союза двоякого рода: внешние и внутренние. Своими социальными законами Союз облегчил положение малоземельных и безземельных крестьян, но при этом сильно задел интересы капиталистов и крупных землевладельцев. Это вызвало с их стороны естественное стремление избавиться от правительства Земледельческого Союза.

Однако, для нас важнее причины внутреннего, организационного характера. Союз исповедует принципы народовластия, но во время правления Стамболийского во внутренней жизни организации народовластие было заменено диктатурой. Весьма показательны в этом отношении следующие слова Стамболийского, сказанные им на одном из последних заседаний совета министров: «Я не хочу, чтобы мои министры меня учили, я хочу, чтобы они исполняли мои приказания и, когда я вхожу, вставали передо мной». Чтобы его слушались, он назначал министрами людей, чуждых Земледельческому Союзу. Один из министров кабинета Стамболийского пишет: «Правда, очень много говорилось о народовластии и о народной воле, всего чаще и больше о них говорил сам Стамболийский, а на самом деле именно он ставил всех перед совершившимся фактом». Эта узурпация власти в организации и была главной причиной, заставившей самого старого члена и основателя Союза «дедо» Драгиева отойти от Союза еще в 1919 году и формально образовать в 1923 году свой Земледельческий Союз в Старой Загоре.

После переворота 9 июня организационная жизнь Союза, уже и без того сильно расшатанная, совсем замерла. Большинство руководителей было заключено в тюрьмы, их связь с земледельческой массой была оборвана. «Союзное Управление», исполнительный орган Союза, было закрыто новым правительством. Самое незначительное проявление жизни организации Союза подвергалось преследованию. Преступлением уже считалось одно пребывание в Союзе. Интеллигенция, в большинстве случаев адвокаты, не только отреклись от Союза, но направили свои стрелы против него*). Другая часть интеллигенции, входившей в Союз, эмигрировала. Часть этих эмигрантов в самый решительный момент не выполнила своего общественного долга. Обов, например, поднял население на борьбу с новым правительством, а сам, вместо того, чтобы остаться на посту и руководить борьбой, отправился за границу, чтобы «купить оружие», и не вернулся. Населению же пришлось потом расплачиваться за действия «вождей». Эти эмигранты, вместо того, чтобы раскаяться и извлечь пользу из своих ошибок, продолжали за рубежом политиканствовать и вредить интересам земледельцев в Болгарии. По этой причине они были навсегда исключены из рядов Союза. Однако, они и дальше пытались изображать из себя заграничной вождей Союза и, таким образом, компрометировали его. Несчастьем Союза было то, что на поверхность Союза выплыли случайные и незначительные личности. «Люди, которые ни-

какой внутренней связи с идеологией Союза не имели», как выразился Турлаков.

При таком плачевном состоянии Союза после переворота, глаза всех земледельцев были обращены на старого союзного деятеля «дедо» Драгиева, единственного крупного деятеля Союза, оставшегося на свободе. Все надеялись, что после смерти Стамболийского, он опять станет во главе движения и соберет вокруг себя всех членов Союза. Но он не отозвался на этот зов, а остался тверд в своей тактике стороннего наблюдателя. «Что посеешь, то и пожнешь», говорил он деятелям Союза. Правда позднее, в декабре 1923 года, в Старой Загоре состоялся, по инициативе Драгиева, так называемый Николаевденский съезд с целью возобновления деятельности Союза. Но из этого ничего не вышло.

В Народном собрании Союз был представлен 27 депутатами, но большинство из них были совершенно случайные люди, ничего общего с организацией не имевшие. Поэтому, за редким исключением, они почти никогда не защищали интересов тех, кого они представляли.

После 9-го июня Съезда земледельческой организации, который обычно бывал каждый год, не разрешили. Только в 1927 году Союзу был разрешен трехдневный съезд и то не в столице, а в Старой Загоре. Месяц перед его созывом, бывший министр Томов и его друзья объявили, что они против съезда в Старой Загоре. Они назначили его в Княжево около Софии, и правительство и им разрешило съезд.

Все земледельцы радовались предстоящему съезду, все ожидали от него разрешения важных вопросов. Разрешен съезд тем, которых считали уже политически умершими! Села взволновались. Вся Болгария была заинтересована, и все с нетерпением ждали результатов двух съездов. Правительство и противники Земледельческого союза, видя что одновременно будут два земледельческих съезда, решили, что в Союзе раскол и что он окончательно погибнет. Но, как увидим дальше, они были очень разочарованы.

Заседания Съезда в Старой Загоре были очень бурные. Конечно, потому, что очень много вопросов ждало разрешения, а времени не хватало. Из принятых Съездом резолюций видно, что Союз земледельцев не думает о мести, а, исходя из интересов страны, хочет полного забвения недавнего прошлого. Слова умирающего вождя Церковского: «Дочь моя, скажи всем, чтобы никто никому не мстил» — стали символом делегатов. Внутренний мир, а не гражданская война — таков основной тон Съезда. Свобода слова, печати и собраний, замена наемной армии, которая очень дорого стоит, армией по набору, уменьшение репарационных платежей — таковы требования болгарского крестьянина. По отношению к внешней политике в резолюции сказано: мир и согласие со всеми. Из вопросов организационного характера был поставлен вопрос о принятии интеллигенции в ряды Союза (как известно, вступление ее в ряды Союза было до сих пор ограничено), но этот важный вопрос, в виду недостатка времени, был отложен до следующего съезда*). В постановлениях Съезда подчеркнуто, что Союз против всякой конспиративной деятельности и единого фронта с большевиками. Съезд заявил, что Земледельческий Союз ничего общего не имеет с нелегальными организациями за границей и резко осудил противосоюзническую деятельность само-

*) Отрицательное отношение Болгарского Земледельческого Союза к интеллигенции, очевидно, вызвано местными условиями. В наших изданиях мы уже отмечали ошибочность такой позиции, приведенной к враждебному отношению всей интеллигенции к Болгарскому Земледельческому Союзу. *Ред.*

*) По уставу Союза в его ряды может вступить только интеллигенция, корнями связанная с крестьянством, исключения допускаются только по постановлению съезда Союза. *Ред.*

званцев, которые организовали заграничные представительства Союза в Праге и Белграде, и обращает еще раз внимание иностранного общественного мнения на то, что эти самозванцы давно исключены из Союза.

После трехдневного заседания Съезд закончился. Все разъехались с пожеланиями поскорее снова встретиться, чтобы разрешить оставшиеся неразрешенными вопросы.

Заседавший в то же время Земледельческий Союз в Княжево принял почти те же решения, что и съезд в Старой Загоре. Таким образом, одновременно состоялось два съезда одной и той же организации. Поднялся спор: кто истинные представители Союза: исполнительный орган, выбранный на съезде в Старой Загоре или в Княжево? Ответ на этот вопрос дан результатами выборов в Собрание, которые состоялись приблизительно через 1½ месяца после съездов.

Выборы в Народное Собрание были назначены на 29 мая сего года. Все партии начали, как обыкновенно, переговоры о соглашениях. Союз Томова вступил в коалицию с частью радославистов и демократов Малинова. Союз Драгиева с радикалами, а группа Съезда в Старой Загоре с «занаятчиими» (ремесленниками) и социалистами. Выборы 29 мая дали такие итоги: всего голосовало 1.139.100, было подано голосов: за правительство 516.030, а за оппозицию 623.070. Таким образом, правительство собрало 45% всех голосов. Согласно этим результатам, правительство должно было иметь соответственно меньшее количество депутатов в парламенте, чем оппозиция. Но избирательная система покровительствует правительству. Из всех 273 деп. мандатов, правительство получило 170, оппозиция 92, общегражданский блок 11. По числу мандатов на втором месте после правительства стоит Земледельческий Союз, который имеет всего 53 мандата. Между тремя земледельческими союзами, участвовавшими в выборах, мандаты разделились так:

Союз Драгиева . . .	0
Союз Томова . . .	5
Землед. Союз . . .	53

Из этих результатов ясно, что большинство земледельцев идет за теми, кто собрался на съезд в Старой Загоре и что именно они являются настоящими представителями Земледельческого Народного Союза.

Земледельческий Союз не умер, как многие думали. Он жив и будет жить, пока в Болгарии есть крестьяне, и наверно скоро будет играть значительную роль в политической жизни Болгарии.

Д-р Петко Петков-Балканский.

II.

В итоге последних выборов в Народном Собрании создались две сильные группы — с одной стороны правительства, а с другой — Земледельческого союза крыла «Врабчи», который был в коалиции с социалистами и ремесленниками под именем «Трудового блока». Так называемые промежуточные группы чувствительно пострадали, что дало повод многим думать, что наша жизнь всё еще продолжает двигаться между двумя стихиями — большевизированной концентрацией крайних левых и патриотической концентрацией «демократического сговора». Однако, диагноз, который мы должны поставить, сложнее. Ни земледельческий союз, ни большевизаны, ни демократический сговор, ни фашисты. Мы переживаем глубокий политический кризис, который кроет в себе много возможностей. Благодаря тому, что Земледельческий союз еще не оформил свою само-

стоятельную социально-политическую теорию, он оказался перед странным парадоксом: его сила скорее источник политической реакции, чем элемент демократического сцепления. Что и понятно. Он лишен цельной концепции, которая легла, напр., в основу «Крестьянской России»; он блуждает от одной крайности к другой, всегда движимый только примитивной ненавистью к городу. Это обстоятельство, а равно и общая участь с коммунистами после 9 июня часто увлекает их в круг единого-фронтных идей коммунизма, идей о «трудовом блоке», о «рабоче-крестьянском правительстве», о «трудовом уравнительном землевладении», что часто находит выражение в их изданиях. Два коммуниста были выбраны по их общему списку. За исключением трех городов, коммунисты везде поддерживали блок «Врабча». Предложение, сделанное чешским делегатом Мечиржем на их конгрессе в Ст. Загоре о том, что аграрное движение не может иметь ничего общего с коммунизмом и социализмом, осталось гласом вопиющего в пустыне. Они даже не поставили его на рассмотрение. Нет сомнения, что это делается не только ради организационного единства, но и выборных успехов. Однако, опасность велика. Несколько времени тому назад (в «Демократичк. Прегледе») появилась чрезвычайно интересная статья вождя наших коммунистов, члена коминтерна В. Коларова, который, отвечая Троцкому, признает, что действительно коммунистическая партия Болгарии сделала капитальную ошибку, не слившись с сельским восстанием Стамболийского и в желании исправить эту ошибку бросилась в сентябрьское вооруженное восстание. В своей защите Коларов признает, что эта ошибка произошла от того, что коммунистическая партия Болгарии не была в достаточной степени большевизована, так как будучи воспитанной западной социал-демократией, она не могла проникнуться идеями, которые развивал Ленин в вопросе о крестьянстве. «Два целых десятилетия», говорил он, «мы социалисты в сельской стране думали, что будем в хвосте всемирной революции и что в лице крестьянина мы имеем едва-ли не самого большого своего противника. Лишь Ленин научил нас слиться с «мелкобуржуазной стихией» и видеть в крестьянстве своего естественного союзника. Но эта большевизация коммунистической партии произошла не сразу. Еще 9 июня этот сдвиг был ей чужд. Мы не оценили правильно борьбы Стамболийского с капиталом, мы не дооценили значения сельского бунта, и лишь теперь, после поражения, мы стали «подлинной большевицкой партией». «Наша задача», добавляет Коларов, «слияние во что бы то ни стало с мелко-буржуазной стихией и в общей работе с земледельческим движением готовить дело революции». Это теперешний лозунг. Общие выборные списки, моральная и материальная поддержка группы «Врабча» в ее борьбе с умеренным крылом Томова, характер их литературных выступлений — всё ясно доказывает директивы Москвы.

Отсюда и реакция, чрезвычайно опасная для нашего политического развития. Фашистские настроения в нашей жизни растут; в среде демократического сговора они тоже не малы. И я прав, когда твержу, что сила Земледельческого Союза скорее представляет источник политической реакции, чем элемент демократического сцепления.

Вследствие этого и в среде Демократического Сговора замечается раздвоение на почве «курса внутренней политики». Министр-председатель Ляпчев открыто склоняется к мирному развитию,

демократии и кооперативизму и прежде всего к партийному управлению. Другое крыло — Цанкова — к политике «сильной руки», которая оправдывается отдельными выступлениями вождей Земледельческого Союза крыла «Врачи».

Таково положение.

Веря в демократию, я надеюсь, что Демократический Сговор обеспечит партийный режим и демократию, а Земледельческий Союз преодолает в своей среде анархо-коммунистические настроения и вернется на путь здоровой политической деятельности.

Ив. Харизанов.

4. VIII. 1927.

Съезд Союза Земледельцев в Югославии*).

Партия югославянского крестьянского движения — «Савез Землерадника» в прошлом 1926 г. имела седьмой по счету очередной съезд. Состоялся он в Шапце, областном центре Подриной обл.

Съезд выделялся, как по числу участников его, так и по результатам своей работы. В нем приняли участие свыше 6000 членов Союза, причем делегатов от сельских, уездных и областных советов (веч) было более 500.

Съезд начался с шествия через город 6000 его участников. Во главе шествия выступал с партийными зелеными знаменами эскадрон крестьянской конницы, а за ним двигались ряды членов Союза — мужчины и женщины, с оркестром, знаменами и лозунгами на плакатах, которые несли члены отдельных сельских организаций. За пешими двигались участники Съезда на повозках, причем повозок было более 400.

Пройдя с музыкой, песнями и кликами по главным улицам города, шествие остановилось на площади, где и было открыто большое народное собрание. На украшенной зеленью трибуне чередовались ораторы из всех областей Югославии, а равно и представители Чехословакии, Польши и Болгарии; они приветствовали собравшихся, говорили о братском единении, идейной солидарности и близкой победе крестьянства.

Самый Съезд происходил в зале городского театра. После представления делегатов иностранных крестьянских партий и выбора президиума, Съезд перешел к программе дня.

Конгресс был разделен на 7 секций; по полномочию, по пересмотру устава, политическая, организационная, хозяйственно-финансовая, социально-культурная и секция по запросам и предложениям. Работа в секциях проходила весьма оживленно. Делегаты-крестьяне проявили большой интерес ко всем вопросам, поставленным на очередь. Наиболее оживленной была работа в секции по пересмотру устава. Ей предстояло внести важное изменение в устав: об участии в союзе земледельцев интеллигентных работников и об их членских правах. По старому уставу они могли быть только временными членами. Многие интеллигенты считали такое положение узаконенным и поэтому слабо присоединялись к движению. На нынешнем Съезде эта неправильность была устранена. Устав изменен в том смысле, что всякий интеллигентный работник, проживший 4 года в Союзе, получает все права действительного члена и ничем не отличается от остальных членов — профессиональных земледельцев. В уставе кроме

того приняты некоторые мелкие изменения, диктовавшиеся практикой жизни партии.

Из остальных резолюций, принятых Съездом, следует упомянуть резолюции политической секции о внутренней и внешней политике, в которых Съезд устанавливает следующее: 1) общее положение земледельца чрезвычайно тяжелое, 2) всеобщий хозяйственный кризис, гнетущий всю страну, происходит потому, что земледелец экономически разоряется, что во главе государства стоят неспособные политики и чиновники, которые ввели личный режим, беззаконие, насилие и подкуп. Союз видит единственный выход из этого положения в свободных выборах и в переходе к управлению страной земледельцами, ибо только они способны вывести страну из настоящего тяжелого положения. Во внешней политике Союз стремится к тому, чтобы последняя направлялась в духе славянской взаимности, и полагает, что пока все славянские страны не сольются в один Всеславянский Союз, не может быть обеспечен мир в Европе.

Резолюция финансово-хозяйственной секции, констатируя хаос и путаницу в финансово-экономической политике страны, как следствие неразумной и расточительной политики послевоенных правительств, требует немедленной отмены ввозных и вывозных пошлин на все предметы, потребные для сельского хозяйства и на продукты последнего, выработки нового налогового закона и более равномерного обложения земледельческих и других областей народного хозяйства; создание дешевого долгосрочного земледельческого кредита и выработки закона о всяких видах содействия сельскому хозяйству; проведения в аграрной реформе принципа, что земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает и т. д.

Заслуживает внимания и резолюция социально-культурной секции, которой охватываются все мероприятия по поднятию социально-культурного уровня деревни — область просвещения, здравоохранения, кооперации и т. д.

Во всех работах комиссий и в речах делегатов постоянно подчеркивался классовый момент в земледельческом движении, как один из основных элементов последнего. Съезд велся с большим тактом и достоинством, и его продуктивная работа оставила наилучшее впечатление, как у друзей, так и у противников этого движения.

Югославянские выборы и „Союз земледельцев“.

Последний год в жизни югославянской крестьянской партии — «Союза Земледельцев» может быть отмечен, как поворотный пункт, которым заканчивается тяжелая полоса в ее истории. Начиная с 1920 года, до последнего времени, она переживала период упадка, на каждых выборах неся все новые и новые потери. Выборы в Учредительное Собрание 28 ноября 1920 года выдвинули ее в число крупнейших политических факторов страны; на них она собрала почти 10% всех голосов (151.600), получив 39 мест и, таким образом, заняла по численности 5-ое место. Но уже выборы в первую скупщину, 18 марта 1923 г., нанесли ей большой урон. В абсолютных цифрах, она и тут несколько усилилась, получив 153.600 голосов, но по отношению к числу всех голосовавших, значительно потеряла, опустившись до 7%; потери же «Союза» в Скупщине, благодаря избирательной арифметике, были поистине сокрушительны; ему удалось провести лишь 11 депутатов. Следующие выборы 8 февраля 1925 года

* Автор настоящей статьи является одним из деятелей югославянского «Союза земледельцев». Более подробные сведения о программе «Союза» см. в сборниках «Крестьянская Россия», V—VI, стр. 139—149. *Ред.*

дали продолжение этого ослабления. На этот раз партия растеряла и значительную часть своих избирателей, получив лишь около 109.000 голосов и 4 места, чем была окончательно выведена из числа значительных парламентских групп.

Текущий год для нее начался благоприятно. Крупнейшая югославянская партия радикалов, после смерти своего лидера — Пашича, вошла в полосу непрерывных кризисов, фракционной борьбы и распада. Охвативши, благодаря своим несомненным заслугам перед страной в прошлом, значительное число сербского населения в государстве, они оказались не в состоянии справиться с столь обширным и сложным партийным хозяйством, доставшимся им после покойного премьера. К тому же, новая обстановка, новые условия жизни страны, переросли их. Героические годы двух последних войн — балканской и европейской — отходили на задний план, а с ними тускнели в народном представлении и недавние заслуги в них радикалов. Мирная жизнь и послевоенное похмелье выдвигали новые тяжелые прозаические задачи — залечивание полученных ран и, прежде всего, оздоровление наиболее пострадавшей в войнах сербской деревни, сербского крестьянина.

В Югославии, как везде, война создала значительную группу людей, разбогатевших на войне и получивших значительное влияние в экономической жизни страны. Разоренное крестьянское хозяйство, за недостаточностью государственного кредита, попало в их сети, и к настоящему времени гнется под тяжестью непомерных, выросших за это время, ростовщических процентов. И чем успешнее идут подобные финансовые операции банков, тем меньше почвы для призывов к национальному единению, тем больше у деревни поисков для самообороны, и тем сильнее стремление деревни к организации в самостоятельную политическую силу, для защиты своих специально крестьянских интересов. При таких условиях, достаточно было небольшого толчка — ослабления партийного аппарата радикалов — чтобы искусственные препятствия, задерживающие новую перегруппировку сил — были устранены.

Отвечая этой потребности, Союз земледельцев вновь крепнет.

Уже выборы в общины 23 января 1927 года показали это. Вместо 109.000 голосов, полученных «Союзом» при выборах во 2-ую Скупщину, он собрал 180.000, и вместо 16-ти областных депутатов провел 65. На только что закончившихся выборах в 3-ю Скупщину (11 сентября сего года) он получил почти 150 тысяч голосов, т. е. на 50% более чем в 1925 году и 9 мест, против 4-х во 2-ой Скупщине.

Для того, чтобы было яснее место Земледельческого Союза в новой Скупщине приводим данные об итогах последних выборов по сравнению с последними выборами 1925 г.

	1925 г.	1927 г.
Радикалы	140	111
Демократы (Давидович)	37	63
Хорв. крестьян. партия (Радич)	67	60
Земледельч. Союз	4	9
Словенск. нар. партия (Корошек)	20	21
Боснийск. мусульмане	15	16
Соц.-демократы	—	1
Независ. демокр. (Прибичевич)	22	23
Немцы	5	6
Мелк. партии	3	5
	313	315

Успех Союза не в одном этом численном увеличении его депутатов. Важно и то, что при этом из партии, почти исключительно сербской, Союз превращается в партию югославянскую, из племенной — в общегосударственную. Наибольший прирост голосов, поданных за него оказывается именно за пределами Старой Сербии. Нижеследующие цифры показывают это:

Число голосов, полученных «Союзом» по отдельным областям:

	Сербия	Босния и Герцег.	Воевод.	Хорват., Славон. и Срем
в 1925 г.	55.671	31.217	11.928	3.594
в 1927 г.	59.204	53.783	13.797	10.478

Крестьянская партия выступает в качестве силы, смягчающей племенные противоречия, способствующей сплочению государства; вместе с ее деятельностью по оздоровлению и укреплению деревни и крестьянства, — основного слоя в стране — это является работой на усиление всего государства, всего народа, всех его слоев.

На этом пути пожелаем «Союзу» дальнейших успехов.

А. В.—ий.

Русская деревня в Эстонии.

(Печерский край).

Рисуя местную обстановку на основании своих личных впечатлений, вынесенных из многочисленных разговоров в деревнях и городе. На вопрос, как живется здесь, вы услышите единодушный ответ: такого тяжелого года, как нынешний, Печерский край еще не переживал. Ударило сразу по всем — и по городу и деревне, по торговцу и крестьянину. Причина — неурожай: озимь почти совсем погибла, яровое родилось плохо, цены на лен, вследствие неожиданной советской конкуренции, осенью были необыкновенно низки. Только огурцы и другие огородные культуры дали сносный урожай, но это не спасло общего положения. Удар поразил деревню в тот момент, когда хозяйственно она сильно менялась. Безнадежное малоземелье вынуждает переход к более высоким хозяйственным отраслям: скотоводству, птицеводству, огородничеству. Несмотря на все трудности такого перехода, на бедность здешнего крестьянства, достижений имеется не мало. В редкой деревне сейчас нет сепараторов, и крестьяне уже привыкли «брить» молоко. За два последние года развилась и кооперация — преимущественно потребительская. Молочные артели и другие формы с.-х. кооперации насаждаются еще с большим трудом. В связи с эволюцией хозяйства наблюдается сильнейшая тяга на отруба и хутора. Община повсеместно ликвидируется без нажима извне. К сожалению, землеустроительные работы не удовлетворяют нужды деревни. Имеются десятки деревень, где размежевание не произведено, хотя заявления о нем поданы 4—5 лет назад. Многие общества производят землеустройство на свой счет, тратя громадные суммы. И это в обстановке крайне стесненного кредита. Долгосрочный правительственный и земский кредит почти отсутствуют. Остается краткосрочный, преимущественно частный. Банки кредитуют из 25—30%. Широко практикуется товарный кредит у торговцев, и тогда проценты далеко переваливают за 100. Ростовщичество цветет махровым цветом. В таких условиях

неурожай для крестьянства явился зарезом. Многие кредитные хозяйства пошатнулись, сотни слабых — разорены. Полоса Обозерья, давно уже мучительно переживавшая отделение от России, теперь — район нищих. Другие волости пострадали меньше. Таково положение в деревне, которое, надо полагать, с урожайным годом изменится к лучшему.

Широкие слои населения Печерского края по прежнему питают некоторые симпатии к коммунизму. В прошлом году наблюдалось массовое нелегальное переселение в СССР. Тянули туда малоземелье, безработица и расчеты на легкую жизнь. Сейчас это переселение почти совсем прекратилось. Причины — препятствия со стороны большевиков. Советские власти арестовывали переходящих границу и массами отправляли обратно. Насколько удалось выяснить, недопускались в пределы СССР все сколько нибудь неблагонадежные политически (одного парня погнали обратно, потому что отец его в свое время был расстрелян большевиками), уголовные, очевидные любители легкой жизни. Пропускались лица, имеющие рекомендации, ремесленники и даже переселенцы в Сибирь. Сообщают о необыкновенной осведомленности большевистских властей о всем, что касается Печер и всего края. Мое впечатление — коммунистические симпатии большинства населения в настоящее время носят более платонический характер, чем прежде. Но они почти неистребимы, поскольку коммунизм связывается с Россией, поскольку край страдает от безработицы и перенаселенности. В то же время и реальная местная обстановка, поскольку она обнаруживает известную устойчивость, начинает приобретать в настроениях и мыслях населения всё более решающее значение (активность, проявленная в выборах в Государственное Собрание — хороший показатель) и становится естественным, что крестьянин с коммунистическими симпатиями будет горячим и упорным последователем местной политической группировки с близкой его интересам платформой. Этому, в значительной степени, способствует рознь между здешней буржуазией и крестьянством. Эта рознь придаст здешней крестьянской партии тенденцию к блоку налево. Среди демократической русской общественности этот уклон в связи с результатами выборов сейчас уже довольно сильно замечен. Буржуазия является естественной руководительницей русского населения в настоящее время. Сравнительно молодая, имеющая связи с деревней, она чрезвычайно мало интеллигентна и, находясь еще в периоде первоначального накопления, живет необыкновенно личными интересами. Старая интеллигенция (учительство, земские работники и т. д.), в большинстве люди приш-

лые (натурализовавшиеся эмигранты) — частью породнились с этой буржуазией и переучились жить, частью, запуганные, сидят в куточках. Но зато оформился новый тип — местного интеллигента, еще сырого, недоделанного, которому принадлежит будущее.

Студенчество — это сыновья зажиточных крестьян и торговцев, только теперь — более количественно, чем качественно, стало группой, начинающей играть в местных условиях общественную роль. Не испытывавшее эмигрантского положения, оно ведет себя достаточно самоуверенно и упористо. Политически оно мало развито, и в этом его основной недостаток. Но от политической жизни оно уйти не может, ибо лишь через нее оно сможет найти здесь свое будущее. К этому ведет: 1) общее перепроизводство интеллигенции, 2) агрессивность интеллигенции господствующей национальности, стремящейся вытеснить интеллигенцию национальных меньшинств, 3) общий строй, основанный на самоуправлении и выборном начале. Утверждение своего будущего здесь теснее всего связано с утверждением своего национального начала. Русский край — и в интересах широких масс населения и в интересах русской интеллигенции, должен обслуживаться последней. Чем ранее войдет она в общественную жизнь, тем скорее обеспечит свое будущее. Принимая во внимание скудность местных интеллигентных сил, раннюю политическую зрелость (в 20 лет активное и пассивное избирательное право), является весьма важным делом политическое и организационное развитие студенчества. Кроме студенчества, внимание привлекают местные низовые культурные работники. Это — молодые парни, стоящие во главе деревенских отделов просветительных обществ. Здесь произошел естественный отбор. Это — настойчивый, энергичный народ. В деле сообразуются со всеми мелочами деревенской жизни. Раз начав, гнут свою линию. Замечателен в них большой интерес к родному, старинному быту. Это — влияние «дней русского просвещения». Среди этих культурников есть некоторый процент лиц, проживавших в России и, сравнительно недавно, вернувшихся оттуда. Наличие таких людей в деревне нужно приписать особым условиям здешней жизни, когда русскому человеку, каков бы он ни был, очень трудно найти себе применение вне той обстановки, в которой он родился.

Спрос на книгу в деревне растет. Берут преимущественно беллетристику. Чем старше, тем лучше. Из журналов — спрос на старые. Из тяжелой литературы некоторый спрос обнаруживает литература сельско-хозяйственная. Остальное не по зубам.

В. Ш.

Из печати.

Программа ликвидации России.

Она опубликована в последнем номере «Революционной России¹⁾». Там ее называли, правда, иначе — «платформа социалистической партии Лиги нового востока», — но наше определение лучше: содержание программы оно передает точнее и выразительнее.

«Основной задачей Лиги является создание

идейной и морально-политической атмосферы, необходимой для мирного разрешения национальной проблемы на Востоке Европы». Район проектируемой деятельности тут определен неточно. Дальнейшее содержание «платформы» показывает, что люди «нового востока» хотят «создавать атмосферу» в пределах современной России (СССР), затем в Польше, Финляндии, Литве, Латвии и Эстонии, наконец, «в других государствах, культурно, хозяйственно и политически тяготеющих к аграрному востоку». Охватывается, таким обра-

¹⁾ См. № 59—60, Сентябрь-Октябрь 1927 года.

зом, не только восток Европы, но и Азия, — во-первых, в той ее известной части, которая входит в границы России, во-вторых, в той ее неопределенной части, которая занята «государствами, тяготеющими к аграрному востоку».

Размах у ново-восточных людей широк. Однако, удар их падает исключительно на Россию. Остальные государства названы только для «орнамента», лишь для придания требованиям в адрес Российского государства видимости широкой принципиальности. «Платформа» поэтому решительно и ясно *«требует»* расчленения России на множество определенных государств, а в отношении, например, Польши она *«отстаивает»* лишь неопределенный «пересмотр в строго правовых формах» границ, поскольку они установились на основе военного перевеса с нарушением национального принципа». Решительность и определенность, как видим, немедленно покидают людей нового востока, как только они переступают границы России.

«Необходимым условием проникновения в сущность национальной проблемы Лига признает последовательно-демократическую и истинно-социалистическую исходную позицию в ее разрешении», и дальше излагается эта «последовательно-демократическая и истинно-социалистическая исходная позиция». Она состоит из трех принципов: «1. Полной свободы национального самоопределения и недопустимости навязывания одной национальностью своего господства другой; 2. принципиального равноправия и равноправности всех национальностей без деления их на большие и малые, исторические и неисторические; 3. призвание всех этих национальностей к совместному организованному творчеству общественной культуры».

Отличительной особенностью как этих «принципов», так и всей «платформы» является неопределенность предмета, о котором идет речь. Слово «национальность» стоит в центре программы, оно склоняется во всех надеждах, но что такое национальность? Нет не только попытки определить ее, отсутствует и самая мысль о нужде в этом определении. Между тем, всего лишь несколько месяцев назад эс-еровский «нацпец» В. Гуревич полагал, что «не каждая этническая группа может быть признана национальностью; не все национальности сознали себя, как нации, и не все, которые создали себя таковыми, стремятся к созданию национального государства»²). Различались, как видим, «этническая группа», «национальность» и «нация». Теперь всё слилось и сплылось в неопределенном понятии «равноправных и равноценных национальностей»...

Нет попытки определить и второе важное понятие, беспрерывно мелькающее в строках «платформы» — «национальное самоопределение». Требование его раздается настойчиво и не умолкая, а его уяснение отсутствует совершенно. Между тем определенностью не обладает и это понятие. С. Н. Прокопович, например, недавно убедительно доказывал необходимость для хозяйственного развития страны *единого* государственного и делового языка в ней³). В каком отношении эта объективная и важная потребность находится к «полной свободе национального самоопределения» тех национальных групп, которые живут совместно в пределах единого государства? В «платформе» нет никакого ответа на этот вопрос. Второе недоуме-

ние: включает ли право национального самоопределения безусловное право каждой национальной группы на образование ею самостоятельного государства или это право условно, и тогда, с какими условиями связано его существование? Если оно безусловно, то *желательно ли* его осуществление во всех случаях или только в некоторых и тогда, в каких?... Несколько месяцев тому назад «подлинно-социалистическую» совесть одного из подписавших «платформу» мучил вопрос: «можно ли считать, что создание самостоятельных государств будет для племен, входящих в состав нынешней РСФСР всегда благом, а не злом? Со всей уверенностью «нацпеца» г. Гуревич отвечал тогда, «что для большинства племен этот вопрос разрешается не только объективно, но и субъективно отрицательно».

В «платформе» мы находим ответ только на часть последних вопросов. «Лига признает право всякой национальности, составляющей на известной территории преобладающее большинство⁴), конституироваться в самостоятельное независимое государство, ограниченное естественными этнографическими пределами при условии явного вынуждения воли к тому со стороны большинства всего населения соответствующей территории». Как будто ясно: право образовать самостоятельное государство принадлежит каждой национальной группе и, как будто, в каждый момент ее бытия. Обусловлено оно лишь требованиями характера, так сказать, технического: территориальной собранностью национальной группы и ясным желанием иметь такое государство со стороны большинства населения на территории национальной группы. Эта ясность, однако, немедленно исчезает, как только общее положение прилагается к русской действительности.

«Судьбам народов, ныне включенным в состав СССР Лига придает особую важность». Ее «платформа» говорит поэтому об этих народах пространно, четко и требовательно. «В их интересах Лига требует... признания Российской Федерации (РСФСР. К. Р.), Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербейджана, Узбекистана и Туркменистана независимыми государствами, правомочными каждое за себя решать всенародным голосованием... вопрос о сохранении в будущем той или иной союзной связи или о полном ее прекращении». Итак: ныне существующее Российское государство должно превратиться в восемь новых «независимых государств». Откуда это требование? Разве «большинство населения» в каждом из этих восьми государств «явственно выявило к тому свою волю»? Когда? Каким образом?... Это требование Лиги не находится ни в каком соответствии с принципом, ею самою выставленным и требующим «явственного выявления воли со стороны большинства населения» образовывать «независимое государство». Тут проявились и действуют какие-то новые основания и соображения, читателю неизвестные. В своем первом и важнейшем требовании Лига не связала концов с началом, выводов с посылкой, условий с обусловленным. Тут Лига как будто делает ссылку на советскую конституцию и на декларацию советской власти. Но почему, исходя из каких положений, Лига считает необходимым признать эту конституцию и эти декларации в качестве руководящих для себя? А если она решила следовать за советской властью, как за своим

²) См. «Революционная Россия» № 54; статья г. В. Гуревича, Вольный союз народных республик Востока Европы».

³) См. статью «Об этнографических основах национального вопроса», «Экономический Сборник» № IX. 1927.

⁴) Что значит это выражение «преобладающее большинство»? Простое большинство, но почему тогда оно называется «преобладающим»? Квалифицированное, но тогда — какое?

авторитетом, то почему она принимает советскую «теорию» и отказывается от советской «практики»?

Тут всё остается неясным, кроме одного: единое государство народов России «подлинно-социалистическая» Лига из ново-восточных людей считает необходимым «кончить». На его месте для *начала* она хочет создать восемь новых «независимых государств». Но это только для начала: в дальнейшем число их должно расти. К восьми первым впоследствии должны прибавиться государства «горских народов Башкурдистан, Бурятская и Алаш». Для этих народов Лига «требует признания, что они уже ранее выявили волю к национальному бытию» и потому являются кандидатами в «независимые государства». В настоящее время Лига не считает их «независимыми государствами», подобными восьми. Больше того: она не признает за ними и права на *немедленное* превращение в независимые государства». Это право они получают позднее — после их дальнейшего «хозяйственного и культурного роста». Оказывается, таким образом, что территориальной собранности и «выявления воли к независимому бытию» еще недостаточно для права национальной группы образовывать «независимое государство». Такова пляска «последовательно-демократической и истинно-социалистической» мысли: для восьми частей современной России она уже теперь требует звания «независимых государств», хотя «большинство их населения» не обнаружило «явственно выявленной к тому воли», а трем частям России она не хочет дать ни этого звания, ни даже права на получение этого звания, хотя они уже «выявили свою волю к национальному бытию»!.

К «горским народам Кавказа и другим народам, находящимся в аналогичных условиях», Лига добрее, чем к бурятам и киргизам: «если они того пожелают, они могут теперь же «объединиться в союз республик или в союзную республику на тех же началах». Вот еще новый участник в той цепи государств, которые должны возникнуть на развалинах и из развалин России.

«За всеми другими народами, входящими ныне в состав Российской Федерации (РСФСР. *К. Р.*) или в другие из перечисленных республик в качестве автономных единиц или в качестве национальных меньшинств» Лига «требует признания всё того же «права национального самоопределения». Можно было бы думать, что для этих «других народов» России право их «национального самоопределения» не включает в себя образование независимых государств», ибо «другие народы» в «платформе» Лиги помещены отдельно от восьми «независимых государств», являющимися таковыми уже в настоящее время, отдельно от трех республик, «выявивших волю к национальному бытию», но культурно и хозяйственно еще не достигших до права на звание «независимых государств», отдельно, наконец, и от «горских народов Кавказа», которые имеют право в любой момент «объединиться в союз республик или в союзную республику», но еще не выразили на то своего желания.

Следующий пункт, однако, уничтожает возможность такого толкования. В нем ново-восточ-

ная лига «требует признать единственно нормальным способом реализации прав на самоопределение, ликвидацию прежних и установления новых государственных связей — полюбовное соглашение заинтересованных сторон». Тут между «самоопределением» и «ликвидацией прежних государственных связей ставится знак равенства. «Независимыми государствами, выходит, должны окончить свое «самоопределение» и «другие народы»... «В России», писал С. Н. Прокопович в статье, упомянутой выше, «по переписи 1897 года было более *ста пятидесяти* национальностей, а по более поздним подсчетам русских этнографов (А. Н. Максимова) — *триста одиннадцать*». Вот, таким образом, конечный итог «последовательно-демократической и подлинно-социалистической исходной позиции»: на месте существующего Российского государства в пределе должно создаться *триста одиннадцать* новых «независимых государств». Результат — недурен! Для «мирного разрешения национальной проблемы на Востоке Европы» он послужит верно и с большой пользой: вооруженные столкновения и льющаяся человеческая кровь будут обеспечены для длинного ряда поколений.

Когда эти усилия Лиги ново-восточных людей увенчаются успехом, она примет за вторую задачу. Ликвидировав Россию, она начнет снова собирать ее. Во имя этой второй задачи «Лига требует образования из упомянутых независимых республик их надгосударственного объединения, Вольного Союза этих республик». Не приходится, к сожалению, сомневаться — какая из двух задач Лиги явится и является более действительной и действенной. Разрушение везде и всегда является делом бесконечно более простым и легким, чем созидание и строительство. В данном случае разрушению из всех сил помогут те центробежные силы, которые были развязаны русской революцией и теперь затихают, но еще продолжают гулять по великим просторам российских равнин; помогут ему и внешние силы — крупные, многочисленные, действующие уже и сейчас. Мы правы поэтому, определяя «платформу» Лиги, как программу ликвидации России.

Страшен, однако, сон, да милостив Бог! Надежды на «милость Бога» вселяют в нас самые последние строки разбираемого произведения — те подписи, которые стоят под «платформой». От имени «России» ее подписали пять «последовательных демократов и истинных социалистов»: Гр. Шрейдер с сыном, В. Гуревич, В. Чернов и Ф. Мансветов. В большем количестве поклонники «нового востока» пока не нашлись. Об удельном весе группы, представляющей в Лиге Россию, говорит тот факт, что от нее отреклась даже самая близкая к ней среда: в списке сотрудников возобновляющейся газеты «Дни», включившей в себя на этот раз все крылья эс-еровской партии, ни одного из подписавших «платформу» мы не находим. Хочется верить, что свою роль в этой изоляции ново-восточных людей сыграла и их программа ликвидации России, известная и прежде. Если это так, то за разбираемой программой придется признать не только отрицательное, но и положительное значение — ее составителями, однако, не предусмотренное.

К. Р.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

„Крестьянская Россия“

(Цель, пути и требования.)

Организация создавалась в 1920 году в Москве для помощи крестьянству в его борьбе против коммунистов. В 1922 году она начала свою работу также за границей, чтобы отсюда помогать в России.

Вот важнейшие из ее взглядов и задач.

Власть, на которую не влияет крестьянство, в России становится *противо-крестьянской*. Так было, есть и будет.

Крестьянство является телом русского народа и фундаментом русского государства. Власть *противо-крестьянская* в России означает поэтому власть *противо-народную* и *противо-государственную*.

В интересах собственных и всего государства крестьянство должно получить то значение, в управлении Россией, которое ему по праву принадлежит. Помочь этому переходу крестьянства от угнетения к управлению — ближайшая и главная цель «Крестьянской России».

Путь к нашей цели — единственный: политическое объединение русского крестьянства. *В России должна сложиться крестьянская политическая партия — сильная и деятельная.* К ее созданию мы зовем. Ее появлению и росту мы будем всеми силами содействовать.

Достижение нашей цели — в интересах не только одного крестьянства, но и всей России. Это дает нам право звать к ней не только русскую деревню, но и русскую интеллигенцию — ту ее часть, которая не забыла своих обязанностей перед государством и народом, не примирилась с коммунистами, не опустила рук.

Крестьянство мы считаем особым общественным классом. Его интересы и задачи не всегда, не во всем, не везде совпадают с интересами и задачами других общественных классов (рабочих, промышленников, торговцев и т. д.). В борьбе за них крестьянству необходимо поэтому *своя собственная* политическая партия. Она может, должна и будет вступать в союз с партиями других общественных классов (в разные времена — с разными), но она не может и не должна *сливаться* с ними.

На тяжелом опыте русское крестьянство поняло зависимость своей судьбы от состава и политики власти, и оно сделало из него важный вывод: власть необходимо сделать зависимой от себя, необходимо постоянно и деятельно влиять на ее состав, ее законы и ее распоряжения. Кре-

стьянство добьется этого, когда оно будет не распыленным и потому бессильным, а политически объединенным и потому могучим.

Главные требования, к которым ведут интересы крестьянства, нам представляются следующими:

1. *Единство российского государства.* Раздробление его и отделения от него нужны врагам России и противны интересам крестьянства.

2. *Самоуправление и федерация.* Широкое самоуправление, как местное, так и областное, доводимое до федерации отдельных частей России. Разрешение мирным путем вопросов, поднятых национальной борьбой в России.

3. *Правовое государство.* Государство должно управляться по законам; всё население должно быть равно перед законом и судом.

4. *Народовластие.* Государство должно управляться народными представителями, избранными *всем* населением и на *равных* правах. Этот порядок требует признания и осуществления гражданских свобод — свободы совести, слова, собраний, печати, союзов. Всякая религия властью должна уважаться.

5. *Республика.* Во главе государства должен стоять избранный населением президент, а не наследственный царь, ибо царь придет с помещиками, а помещики со своими счетами за обиды и земли, по которым придется платить крестьянству.

6. *Сильная власть.* Лишь сильная власть способна удерживать Россию от распада и обеспечить порядок. Власть должна быть, однако, ответственной перед законом и народными представителями.

7. *Земля.* Закрепление без всякого выкупа за крестьянством всех земель, находящихся в его руках. Признание за крестьянством права на свободный выбор землепользования (община, хутор, отруб, подворное чересполосное владение) и права на обмен, аренду и продажу своих земель под контролем государства, чтобы не допустить обезземеливания крестьянства и появления новых помещиков.

8. *Государственная помощь сельскому хозяйству.* Она должна быть деятельная, постоянная и первоочередная. Она должна выражаться в доступном и дешевом кредит, в развитии агрономической и вете-

ринарной помощи, в бесплатном земледелии, в выгодных для деревни пошлинах на заграничные товары и в выгодных для сельского хозяйства тарифах на железных дорогах, в страховании на льготных условиях крестьянских хозяйств от стихийных бедствий, в широком содействии со стороны государства переселениям крестьянства на пустующие земли, в сооружениях, которые способны обеспечить крестьянству более высокие цены на его продукты (хлебные элеваторы, склады-холодильники для хранения масла, мяса, птицы, вагоны-холодильники для их перевозки и т. д.).

9. *Широкое государственное содействие сельской кооперации.* Мы выделяем эту меру на особое место, в виду исключительной важности кооперации для подъема крестьянского благосостояния. Содействие должно выражаться в инструкторской помощи, в кредите, в льготных налогах. Содействие не должно, однако, вести к опеке над кооперацией, к подавлению ее свободы, к нарушению ее интересов, как это происходит при коммунистах.

10. *Налоги.* Их справедливое распределение между различными общественными слоями, между городом и деревней; их взимание в удобные для деревни сроки. Освобождение деревни от бесплатных натуральных повинностей. Сокращение этих повинностей. Их полная оплата.

11. *Торговля и промышленность.* Они должны быть свободными. Только при этом

условии они разовьются и будут способны, как доставлять во время деревне доброкачественные товары по умеренным ценам, так и поглощать избытки сельского населения.

12. *Народное образование.* Начальное образование должно быть всеобщим и бесплатным; средние и высшие школы должны быть приближены к деревне и стать доступными для всех; необходимо широкое развитие с.-х. образования школьного и внешкольного.

13. *Народное здравие.* Широкая охрана его; бесплатность и доступность лечения.

14. *Рабочий вопрос.* Признание за рабочими права на образование союзов и охрана их интересов законами государства.

15. *Мир с другими государствами.*

16. *Армия* — забота о ней. Возможное сокращение сроков военной службы. Постановка последней таким образом, чтобы во время отбывания ее крестьянство получало новые полезные знания и умения.

Под знамя, на котором написаны изложенные здесь цели, пути и требования, мы зовем русское крестьянство и его друзей из среды русской интеллигенции.

Создавайте теперь, же, везде, ячейки и группы крестьянской политической партии, которая должна явиться главной силой грядущей России, — России свободной, просвещенной и богатейшей!

Центральное Бюро
«Крестьянской России» за границей.

„ВОЛЬНАЯ СИБИРЬ“ (изд. О-ва СИБИРЯКОВ)

Сборник статей, посвященных памяти Г. Н. ПОТАНИНА.

От редакции. — И. А. Якушев: Г. Н. Потанин, его общественные и политические взгляды. — Проф. Е. Л. Зубашев: Воспоминания о Г. Н. Потанине. — Дионео: Научные работы Г. Н. Потанина. — Гр. Гребенщиков: На склоне лет его. — Инж. А. Мягков: Золотопромышленность в Сибири. — о Ф. Гавелка: Северо-восточный морской путь к бассейну Обь-Иртыша. — Из печати и жизни. — Я. Лозового: К вопросу колонизации Сибири. — Сибирское обозрение: Общесибирский съезд писателей. — Некролог: П. И. МАКУШИН. — Заграничная хроника. — Библиография. — Цена 25 крон чеш.

Адрес: **Praha-Strážnice Gregorova 153. - I. A. Jakušev.**

Книжные магазины, в которых „ВЕСТНИК КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ“ имеется в продаже:

1. Париж, Я. Поволоцкий, 13, rue Bonaparte. — 2. София, кн. маг. «Слово», ул. Левски 14а. — 3. Варшава, издательство «Nasze Dzielo» Marszałkowska 67, m. 4. — 4. Загреб, Cirilometodska Knjažarna i Papirnicka D. D., Preradovićev trh 4. — 5. Белград, кн. маг. «Ruska Misao», Stiska, 8. — 6. Прага, кн. маг. «Пламя», Praha II, Ječná 32.

Адрес Редакции „Вестника Крестьянской России“: PRAHA, JUNGMANNOVA 36 — Tehčeslovni quie.
Издатель Сергей Маслов. — Odpov. redaktor Jiří Pak. — Цена № — 5 кр. ч.